Александр Муниров

Обратный отсчет

или большое путешествие на север

18+

Александр Муниров

Обратный отсчет, или Большое путешествие на север

«Автор»
2026

Муниров А.

Обратный отсчет, или Большое путешествие на север / А. Муниров — «Автор», 2026

Жизнь тридцатипятилетнего Сергея трещит по швам: череда мелких и крупных неудач, выматывающая работа, отчуждение с девушкой и ощущение, что он так и не стал тем, кем мечтал быть в детстве. В попытке разобраться в себе он попадает в странный «Центр Радости», где ему предлагается необычный метод - визуализировать собственные воспоминания как комнату, в которой хранятся вещи-символы. Постепенно Сергей обнаруживает у себя странную способность читать чужие воспоминания. Философская роуд-стори о том, как трудно быть обыкновенным и как страшно обнаружить, что ты не тот, кем себя считал. Это роман о памяти, одиночестве, смерти и о том, что иногда, чтобы начать жить заново, нужно разрушить свою мечту.

© Муниров А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 29 5
Глава I 9
Глава 28 12
Глава II 16
Глава 27 19
Глава III 22
Глава 26 25
Глава IV 29
Глава 25 32
Глава V 35
Глава 24 37
Глава VI 40
Глава 23 44
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Александр Муниров
Обратный отсчет, или
Большое путешествие на север

Глава 29

Как бы не рассуждали о себе люди, какими бы гадостями не описывали себя и окружающие вещи, на самом деле, скажем честно, немногие из них по-настоящему себя ненавидят. Любят себя более всего прочего - это конечно! Жалеют, как частный случай проявления любви к себе - пожалуй, очень даже часто. Наплевательски относятся к своему телу из любви к другим удовольствиям, как следствие жалости к себе - да! Существуют люди, которые любят себя за собственные достоинства и при этом ненавидят то свое, что считают недостатками. Но так, чтобы ненавидели полностью…

Как правило, люди, что ненавидят себя и свою жизнь, по-настоящему долго и не живут, либо влачат ненавистное существование с помощью таблеток, искусственно сублимируя ощущение удовлетворенности жизнью. Конечно, хорошей жизнь от этого не становится, и, внимательно заглянув в их глаза, можно по-прежнему разглядеть ненависть к жизни и к себе тоже, как наиболее близкому проявлению этого странного химического состояния.

Сергей помнит одну знакомую, едва не вколовшую себе в вену воздух во имя разбитой любви и ненависти к себе. Остановило ее лишь то чувство бессилия, что вечно живет в тех, кто ненавидит. Другая знакомая все пыталась окружить себя почитателями, что пели бы ей песни о том, как она прекрасна. Сама знакомая, при этом, ненавидела себя так, что постоянно пыталась измениться: одежда, прически, многочисленные пирсинги, татуировки, - во все вносились бесконечные изменения, будто она пыталась выбрать наиболее приемлемый образ, вместилище, в котором ее дух смог бы наконец успокоиться. Но так как этого не происходило, она выбирала все более и более радикальные способы достижения гармонии. Сергей перестал с ней общаться, когда однажды не нашел достаточных комплиментов для ее очередного преобразования, и за это был вычеркнут из списка друзей. Третий его знакомый спился, потеряв интерес к жизни после неудач в бизнесе и браке. Теперь он рассуждал, что мир сильнее и жил от одного запоя к другому, сумев выключить себя из необходимости бороться дальше. И хотя человек он был по-своему приятный и добрый, все его разговоры ныне, так или иначе, сводились к жалобам на несправедливый мир, в котором нет ничего хорошего.

Сергея, впрочем, тоже нельзя назвать человеком позитивным, хотя он считал, что любил жизнь, скажем так, большую часть времени. При этом, правда, считал так же, что мир его не любит, раз за разом подбрасывая поводы для разочарований.

Сергей был пессимистом со стажем. Однако, нельзя не признать, это не помешало ему дожить до тридцати пяти. Он научился жить со своим пессимизмом, складывая нехорошие события и мысли как бы рядом, так, чтобы они попадались на глаза пореже, как старые вещи, которые вроде и жалко выбрасывать, но и пользоваться ими уже не будешь. В нужный момент этой книги он еще вернется к этой аналогии, вот увидите.

Его история начинается двадцать третьего февраля, в праздник, к которому Сергей не имеет отношения, поскольку в армии не служил. И этому событию предшествовал ряд иных событий, которые закономерно и привели Сергея к началу истории.

Двенадцатого ноября у него заболели оба родителя, живущие в другом городе, которым Сергей мог помочь только выслав денег и надеясь, что все будет в порядке.

Двенадцатого ноября заболели родители, а тринадцатого ноября на работе объявили, что до Нового года всем следует поработать побольше, желательно отказавшись от одного выходного в неделю. Это шло вразрез с трудовым законодательством, но руководство аргументировало нарушение тем, что в противном случае у них не будет денег на новогодние премии для сотрудников. А новогодние премии были, по сути, тем единственным, ради чего и стоило работать, так как в прошлые годы они в десять раз превышали обычную зарплату, и шесть потерянных выходных дней явно того стоили.

С тринадцатого ноября и до Нового года на работе был отменен один выходной, а двадцать седьмого ноября Сергей поругался со своей девушкой из-за пустяковой причины, которая, впрочем, быстро забылась за другими последующими обвинениями. Девушка считала, что Сергей совсем перестал уделять ей время, а он, в свою очередь, утверждал, что имеет право отдыхать дома, а не развлекать ее, тем более из-под палки. И вроде каждый был по-своему прав, и вроде каждый это понимал, но уступать другому не хотел, и потому в последующие дни они пытались найти некий компромисс, не задевая друг друга. Но выходило это скорее натянуто, чем искренне, словно свидание на бывшем минном поле - никогда не знаешь, действительно ли все раскопано или что-то там еще лежит и ждет, пока кто-нибудь наступит.

Двадцать седьмого ноября дома стало неуютно, а с пятнадцатого декабря грянули морозы, а потом начал падать снег. И это в городе, где последние десять лет снег видели только в январе и только несколько дней. Теплых вещей в доме оказалось мало и потребовалось внепланово бежать по магазинам и тратиться на них.

Пятнадцатого декабря грянули морозы, а двадцать седьмого декабря Сергей не прошел собеседование на новую работу - инженером по проектированию схем, несмотря ни на профильное образование, ни на стаж работы в той же сфере, пускай и более практический, нежели интеллектуальный.

Двадцать седьмого декабря Сергею отказали в попытке сменить работу, а первого января он заболел и провел все праздники с температурой. Единственным плюсом от этого стало лишь то, что болезнь стала поводом окончательного примирения с девушкой. Шестого января, правда, заболела и она, так что их квартира превратилась в некое подобие лазарета самообслуживания, где два больных человека пытались друг друга лечить.

Ну а тринадцатого января Сергей узнал, что новогодних премий, которые им обещали выплатить сразу после праздников, не будет.

-А что вы хотели? - сказал директор, по такому поводу собрав всех сотрудников в конференц-зале, - наш НИИ в долгах, мы бы и рады, но денег нет. Так что…

…так что сам он уехал в Италию на месяц, а остальные остались работать.

И, конечно же, к двадцатому января деньги срочно понадобились, на этот раз на обувь, решившую развалиться прямо в середине этой чрезмерно холодной и снежной зимы.

Второго февраля выяснилось что коллега Сергея решил: с него хватит и написал заявление на увольнение, найдя себя в малом бизнесе по установке домофонов. А когда Сергей, оставшись один в отделе, пошел к руководству с вопросом о повышении зарплаты, то было отвечено, что такие вопросы будет принимать директор, когда вернется из отпуска.

Десятого февраля у Сергея сломались часы - вроде и мелочь, но позволить себе новые он уже не мог, а за ремонт сломанных никто из часовщиков почему-то не брался.

Восемнадцатого февраля отказался включаться ноутбук. И если без часов еще можно было как-то прожить, то без ноутбука никак, и уж его чинить пришлось. Благо хоть тут ремонт оказался возможен.

Ну и наконец, двадцать третьего, когда Сергей уже начал проклинать мир за череду неудач, возвращаясь домой в праздник, он царапает своей машиной припаркованную.

Другая машина стояла в нарушение правил на выезде из двора: старая, грязная, побитая жизнью тачка, на которой вмятин и царапин было столько, что следующим владельцем после

текущего явно уже была зарезервирована свалка. Машина будто специально выжидала, чтобы отомстить более новой товарке за плохое к себе отношение и подло выставила бампер под нужным углом именно в тот момент, когда Сергей заезжал во двор.

Владельца машины рядом с ней не было, сигнализации в ней не имелось. По-хорошему, в такой ситуации Сергей был обязан вызывать инспектора и с ним оформить акт о столкновении.

-Твою мать… - то ли обращаясь к матери машины, то ли к некой общей мировой матери, - произносит Сергей.

Вызов инспектора означает потерю полутора часов времени в праздник, поэтому Сергей находит иной выход: фотографирует две машины в разных положениях, пишет записку со своим телефоном и сует ее под дворник пострадавшей колымаги, садится в свою и уезжает парковаться.

Привычно с трудом найдя место среди прочих бесчисленных машин жильцов многоэтажного микрорайона, он выходит и оценивает нанесенный ущерб - длиннющая царапина на двери, переходящая на крыло.

-Твою мать… - в этих двух словах скрывается горькая истина о том, что Сергей вероятнее всего будет признан виновным в аварии, - Блин… - в этом слове, что ущерб его машине и той другой - несоизмерим.

Он идет домой.

В подъезде прямо напротив входа висит информационный стенд, где описываются все домовые новости, начиная от фотографий подозрительных лиц, предположительно обносящих квартиры, и заканчивая сводками с собраний жильцов, в которых сам Сергей ни разу не участвовал. Сегодня какой-то умник вставил в одну из ячеек веселенький плакатик с радугой.

“Центр Радости” поможет сделать вашу жизнь ярче!” - гласит надпись под цветными полосками. Улыбающийся дебильной улыбочкой человечек под надписью показывает Сергею большой палец. Ниже человечка располагается телефон и адрес.

-Ненавижу, - говорит Сергей человечку.

Конечно Сергей ненавидит не человечка, а все то, что с ним произошло за прошедшие четыре месяца. И если разобраться, то это "все" можно вписать в одно емкое слово “жизнь”.

-Задолбало.

Человечек продолжает улыбаться, нарисованная радуга после высказанного не блекнет, и только Сергей чувствует себя еще гаже, нежели за минуту до того, и, возможно, именно это в итоге и толкает его на крошечное преступление.

Сергей поднимается в свою квартиру и переодевается в другую куртку, выходит из квартиры, спускается и под взглядом улыбающегося человечка идет на улицу.

-”Центр Радости”, мать его…

За прошедшие пятнадцать минут ничего не изменилось - чужая машина все также стоит в неудачном и неправильном с точки зрения правил дорожного движения месте. Ни рядом, ни внутри машины никого нет. Сергей присаживается рядом с поврежденным бампером и осматривает: крошечная вмятина и затертость. По сравнению с другими царапинами и вмятинами на этой машине - совсем незаметная. По сравнению с царапиной на его машине и вовсе смешная.

-Да и пошло оно все…

Сергей выдергивает собственную записку из-под дворника и идет в противоположную от своего дома сторону, делая большой круг перед тем, как вернуться назад.

Ощущения от совершенного тоже неприятные, но Сергей пока идет дворами и сжимает записку в руке думает о том, что отступать уже поздно, и, черт побери, должна быть какая-то компенсация за череду неудач, пусть даже такая мелочная, хулиганская. Мир ему подбрасывает одну проблему за другой, и это преступленьице можно рассматривать как крошечную месть миру, как право заявить о том, что он живой человек, и что с ним так нельзя. И, размышляя

подобным образом, Сергей постепенно приходит к выводу, что не так уж и неправ в своем поступке.

Единственный человек, которому Сергей кается в содеянном - его девушка:

-Ну и черт с ней, с машиной с этой, - говорит она, - я тебя осуждать не буду.

Это окончательно примиряет Сергея с содеянным.

Глава I

Сложно описать ощущение от резкой смены плохой погоды на хорошую. Пять минут назад ты еще едешь в мрачных свинцовых сумерках, окутанные туманом редкие фонари кажутся призраками самих себя, а между ними лишь непроглядная серость, в которой тонет все прочее окружающее пространство. Едешь словно в ничто, на одной лишь мрачной решимости и убеждении что отступать поздно. Но вот пространство перед тобой прорезает внезапный солнечный луч, а следом еще один, рассекая тучи и туман. Машина, доселе поднимавшаяся на холм, вдруг оказывается на его вершине, а оттуда открывается прекрасный вид; уже без тумана, со жгучим солнцем справа - огромным, переливающимся теплыми оттенками шаром, величественно поднимающимся из-за горизонта. Пики елей, хищно торчавшие в небо, из черных и опасных превращаются в зеленые и могучие, почти прозрачные со стороны солнца. Небо ползет на запад, к морю, унося с собой тучи и непогоду.

И вот ты едешь по границе света и тьмы, плохого и хорошего, чувствуя себя почти богом-хранителем, решающим что будет по одну сторону, а что по другую.

Сергей конечно же не заправился когда уезжал: не до того было. Но датчик топлива утверждал о гарантированных ему ста километрах - что было не так уж и мало.

Восходящее солнце напомнило и о том, что Сергей замерз. Раньше, в тумане и сырости, это не особо ощущалось, он был плоть от плоти мира который покинул, но теперь пришло время насыщаться теплом мира нового, теплый воздух полз по коже, заставляя невольно и приятно ежиться, вспоминать, каково это - когда тепло.

Вероятно, за мной уже началась погоня, - думал Сергей, - вероятно, Ловчая уже едет прямо по моим следам. Ну что же, пусть догоняет. Тут они, во всяком случае, на равных, не то, что там.

В колонках играл Крис Ри, неожиданно нашедшийся в памяти автомагнитолы. Один из альбомов одиннадцатидискового издания, посвященного блюзу, в данный момент - госпел-блюзу. Сергей не особенно разбирался ни в блюзе, ни в госпеле, ни в творчестве Криса Ри, зная лишь, что наибольшую известность этот музыкант приобрел во второй половине восьмидесятых, играя поп-рок. Более того, Сергей не мог вспомнить, откуда знает про это блюзовое издание и когда записал его в машину. Наверное информация затерялась где-то в комнате воспоминаний.

Немного порывшись в ней Сергей извлек знание, что все одиннадцать блюзовых дисков были записаны в течение одного года во время тяжелой болезни музыканта. Стало быть, если предположить по 12 песен на альбоме… примерно одна песня в три дня?

Так или иначе, музыка подходила моменту, госпел-блюз оказался отнюдь не печальным, а, напротив, полным надежды. Сергей открыл окно и вдохнул пока что стылый, но удивительно чистый после города воздух, сделал музыку погромче и поехал вниз с холма по идеально-черной дорожной полосе.

И с каждой минутой все ярче светило солнце, и все дальше уползали тучи.

Появились первые машины. Домов вокруг не было, однако тут и там возникали перекрестки с дорожными указателями, говорящими в какой населенный пункт он попадет, ежели пожелает свернуть с главного пути. Вдоль дороги тянулись лесополосы, прятавшие неиспользуемые поля, что были разбиты между озер и ручьев, между лесов и каменных россыпей - словно прелюдий к горам или напоминанию о том, что тут некогда имелись скалы, ныне источенные временем, ледниковыми периодами и человеческой деятельностью.

Солнце лизало верхушки деревьев, а ели доверчиво тянулись к нему.

Встречные машины - большей частью старые грузовички или недорогие легковушки. Никаких шикарных тачек для тех, кто имеет деньги на передвижную роскошь, никаких тюнин-

гованных развалин, “улучшенных” фантазией тех, кто пытался подражать владельцам шикарных машин. Машины для тех, кому нужно просто ездить.

Никаких пробок и переполненных парковок.

Сергей перебрал в памяти случаи, когда они с девушкой периодически путешествовали и как, едва выкатившись из неуютного мерзлого мегаполиса, ловили то ощущение, в котором царившее в городе стремление быть лучше прочих уходит, и как все становится чуть правильнее, оставляя позади стресс, разногласия и усталость от существования в недружелюбной атмосфере вечной конкуренции.

Крис Ри сменился Шубертом - оперой “Альфонсо и Эстрелла”. Сергей выудил из своей комнаты воспоминаний информацию: период между первой и последующими постановками оперы составил около полутора сотен лет. Второе музыкальное удивление за короткое время: Сергей не любил оперы, считая их вокальный пафос излишне приторным и малопонятным и также не помнил когда ухитрился записать оперу в машину. Но решил не переключать, так как сейчас хотелось чего-то такого: непонятного, непознанного. Кроме того, музыка романтического периода отлично ложилась на окружающую пастораль.

Заправка будет через двадцать километров, об этом сообщил очередной знак. Пятнадцать или двадцать минут пути.

Дома они почти не общались - Сергей и его девушка. Каждый занимался своим делом: он - литературным творчеством, она - музыкальным, но когда выезжали за город все менялось. Всякий раз отправляясь в путешествие они не могли наговориться, прерываясь только на то, чтобы отметить очередную красоту: тени облаков на полях или озерах, блещущие молниями тучи на горизонте, ветряки и дома у их основания...

Они и познакомились за городом: Сергей встретил ее на заправке рядом со сломанным автобусом, возвращаясь домой из другого города, где проходил курсы повышения квалификации. Она переезжала в город, где Сергей жил.

Девушка и пять ее больших тюков, две сумки с ноутбуками и рюкзак стояли между магазином на заправке и большим рейсовым автобусом с названием города Сергея на лобовом стекле. Водитель пытался перекричать рассерженный гул пассажиров, рассказывая, что транспортная компания очень скоро пришлет другой автобус взамен этого. Девушка стояла чуть поодаль, не принимая участия в общем возмущении, растерянная и несчастная. Наверное потому Сергей и обратил внимание. Ему тогда просто захотелось помочь.

-Привет, - сказал, выйдя из магазина, - подбросить? До города всего двести километров, приедем часа через три, - и на всякий случай добавил, - я не маньяк, просто вид у тебя такой, будто если не окажешься в городе в ближайшее время, то поездка окажется напрасной.

Девушка опаздывала на собеседование. И хотя ее все равно бы дождались, так как хороших звукоинженеров еще нужно поискать, а она - очень хороший звукоинженер, на тот момент девушке действительно казалось, что этот день - ключевой этап ее жизни, в котором время прибытия играет важнейшую роль.

Сергей уже несколько месяцев находился в неприятных воспоминаниях от последних прошедших отношений и совсем не думал о новой личной жизни. Но та встреча на парковке поставила точку в прошлом и открыла новую главу.

Заправка, что попалась на пути сегодня, очень походила на заправку из прошлого. И магазин был похожим: супермаркет и бистро в одном здании. И даже автобус имелся, пусть и не сломанный.

На площадке для курения стояли сонные пассажиры, лениво смотревшие как он тормозит у колонки, выходит и открывает лючок бака. Обычные люди, взрослые и подростки на некоторое время объединенные общим транспортом.

В магазине выстроилась короткая очередь в туалет.

-Что для вас? - поинтересовалась полная женщина за кассой, обладательница корпоративной кепки и невероятно жизнерадостного выражения лица.

-Полный бак. И хот-дог с кофе, - Сергей кивнул на витрину с едой, - если они у вас вкусные.

-Ужасно вкусные, - кивнула женщина, - к нам люди специально заезжают, чтобы поесть хот-догов. Какой хотите?

Сергей заказал двойной хот-дог с горчицей и большой латте и пока помощница полной женщины - другая полная женщина складывала все ингредиенты в один ужасно вкусный хот-дог, разглядывал сквозь стекло пассажиров. И почти сразу наткнулся взглядом на девушку.

Невысокая, хрупкая, в черных джинсах-скинни, частично скрытых мешковатым пальто-мантией, белые кеды, натянутая глубоко на уши вязаная шапка. В руке телефон, а выражение лица, с которым она смотрела в экран, было таким милым, что Сергей невольно залюбовался. Ей наверняка было чуть больше двадцати - слишком мало, чтобы у них что-нибудь получилось хотя бы теоретически, но одно лишь ее присутствие на заправке делало окружающий мир ярче и насыщеннее. Будь Сергей младше лет на десять, то непременно бы в нее влюбился с первого взгляда только за то, что она стояла здесь и сейчас, и была именно такой. За сам момент, в котором она и он сейчас жили.

-Ваш заказ, - через секунду Сергей впился зубами в еду и тут же осознал, что сильно голоден. Ощущение горячей пищи было приятным и естественным для этого места.

Пассажиры начали садиться в автобус, вместе с ними к двери пошла и девушка, естественно не обратив на Сергея никакого внимания. Он этому радовался: только что пойманный момент счастья не стоил того, чтобы его развивать во что-то другое, что через пару лет вполне может стать куда менее счастливым и волшебным.

Глава 28

Ненавидеть себя, не утверждать, а именно ненавидеть - довольно смело, об этом могли бы рассказать самоубийцы, доведшие дело ненависти до конца. Но Сергей к ним не относится: у него нет желания навредить себе или, тем более, себя убить. Однако, стойкое ощущение неудовлетворенности жизнью имелось, и каждый день нависал над ним новыми проблемами, большими и малыми, среди которых редкие банальные радости казались праздниками. Сергей догадывался, что у всех проблемы примерно одинаковые, и в этом он не уникален. Но ощущение, что другие легко справляются с неурядицами, а он - нет расстраивало еще больше.

Возможно, все началось с завышенных ожиданий: лет в одиннадцать, увлекшись беллетристикой, Сергей для себя решил, что годам к двадцати станет писателем, у которого унылая жизнь от зарплаты до зарплаты, характерная для всех и, в первую очередь, для его родителей, превратится в некий творческий гедонизм, из которого главной заботой будет наличие желания, чтобы потратить заработанные на собственной известности деньги.

К двадцати годам Сергей был студентом политехнического университета на радиофакультете, и весь его гедонизм заключался в пьянках с однокурсниками. Ни строчки написано не было, никакой известности не обретено.

Через очередные десять лет Сергей стал специалистом по печатным платам, пусть и с большим опытом. Творчество ближе не стало, зато взамен уже родилось ощущение неудовлетворенности жизнью.

Сейчас Сергею тридцать пять, и он все еще специалист по платам.

Теперь Сергей думает: некоторым все дается просто в силу социального статуса их родственников, и примеров тому довольно много. Всем прочим в силу их упорства, если таковое есть. Первый из ресурсов Сергей полностью исчерпал, когда родственники помогли устроиться на первую работу еще в его двадцать два года. Набравшись опыта, Сергей уехал в город побольше, где знакомых у родственников уже не было, зато имелись зарплаты повыше. Что касается упорства, то его стоило бы начать развивать раньше, еще в юности, когда Сергей выбирал, идти на пары или в пивную, сочинять или отдыхать.

Впрочем, оставим анализ причин другим персонажам этой книги. Итак, сейчас Сергею тридцать пять, и с каждым годом, заметим, встать на путь упорства ему все сложнее. Надо сказать, Сергей это осознает и, пожалуй, ненавидит более прочего. Он откладывал и откладывал путь к желаемой жизни в долгий ящик до тех пор, пока с неприятным удивлением вдруг не обнаружил, что является самым обычным человеком. То есть, одним из тех многих, кого называют “ничего особенного”. И это понимание его обожгло, ведь Сергей все эти годы готовил себя к совершенно другой жизни.

Мудрые советчики из числа друзей и родственников, коих у каждого, наверное, хватает, едва Сергей раскрывал рот на тему себя теперешнего и себя молодого, начинали делиться однотипными советами, что, дескать, никогда не поздно что-то менять. Но Сергей знал об этом и без них, все-таки воплотив свою детскую мечту о писательстве в нескольких рассказах и паре романов, большей частью о безысходности бытия. Часть творческих результатов была разослана в издательства и осталась без ответа, часть выложена в интернет, где потерялась среди тысяч других писателей, которых, как оказалось, без счета существовало на белом свете. И это тоже не способствовало уменьшению когнитивного диссонанса. Получалось, что детская мечта Сергея вроде как была воплощена - он писатель, но ничего от этого не изменилось, жизнь осталась в прежнем статусе, прибавив к себе, разве что, еще один, как оказалось распространенный статус неудачника - “невостребованный писатель”.

Человек со временем консервируется, - думал Сергей, - обрастает профессиональным опытом и обязательствами. С каждым годом их количество растет и сбросить их и начать что-то новое становится все тяжелее.

Пока что, вместо новой жизни, жизнь текущая разворачивала Сергея лишь к настоящей реальности, раз за разом тыкая в нее носом. Четырехмесячный марафон неудач венчал это направление, словно доказывая, что нельзя ни о чем мечтать: есть колея - катись по ней как катится, поздно уже сворачивать, справиться бы с текущим.

-Ты со всем справишься, - время от времени говорила девушка Сергею, но чем чаще он слышал эти слова, тем больше чувствовал груз несделанного, с которым не знал как справиться.

Возможно все это и повлияло в конечном итоге на то, что три последующих дня после инцидента с машиной Сергей ходил мимо плаката с радугой и злился, а на четвертый пошел в “Центр Радости”.

Он нисколько не сомневался в том, что какой-нибудь психолог центра не сможет решить его проблем. Однако кто знает, может быть в его аргументах найдется что-то, что смирит его с этой никчемной и невыносимой жизнью. В любом случае, лучше жаловаться на жизнь незнакомому человеку, чем терпеть и делать вид, что держишься перед своей девушкой, которую не хочешь донимать своим ежедневным нытьем.

И сил терпеть больше не было.

Дело происходило в субботу, когда девушка ушла на работу в свой театр.

Кислотных оттенков плакатик наводил на мысли о некотором дурновкусии его заказчика, и Сергей, пока идет туда, представляет, что по адресу будет располагаться что-то вроде дешевой копии диснеевского замка с веселенькой балаганной музычкой и развеселыми аниматорами, прямо как в детской зоне какого-нибудь торгового центра. Представляет и думает, что на эту тему можно написать издевательский рассказик о психологической помощи при помощи хохота. Наподобие лечения хохотом туберкулеза в девятнадцатом веке.

Реальность оказывается куда прозаичнее.

Центр, хотя само слово “центр” цинично насмехалось над этим местом, располагается в крошечном офисе, встроенном в первый этаж жилого дома. Крылечная лесенка от дешевой пластиковой двери ведет к луже, широко растекшейся после недавней и внезапной оттепели, сменив предательский гололед на дорогах обычной грязью. Табличка с названием Центра едва угадывается для человека, который стоит у края лужи.

Сергей разглядывает дверь и с досадой думает, что его фантазии бы на такое не хватило, и знай он что увидит - не пошел бы. Но и отступать, пожалуй, уже поздно, иначе это станет еще одним не сделанным делом. И он шлепает по луже, поднимается по лестнице и, добравшись до двери, звякает ловушкой для ветра, висящей так низко, что приходится нагнуться, чтобы войти.

Внутреннее убранство оказывается под стать внешнему. “Евроремонт” из конца двадцатого века, популярный на фоне общей нищеты и общего отсутствия представления о красивом интерьере: пенопластовая плитка на потолке, сайдинг на стенах, пластиковая стойка с весьма приблизительным принтом под дерево. За ней сидит девушка-администратор. У окна стоит несколько пластиковых стульев из палаточной пивнухи и одинокий столик с не менее одиноким журналом моды на нем.

-Здравствуйте, - произносит Сергей, пару раз моргнув, чтобы прогнать навязчивые ассоциации с детством, когда все это казалось передовым и красивым.

-Добро пожаловать в Центр Радости, - равнодушно и безрадостно говорит девушка, как кажется Сергею, с некоторым неудовольствием поднимая глаза от монитора, - чем я могу вам помочь?

Сергей ждет пару секунд, ожидая, что она сейчас сама подскажет что делать, но девушка просто смотрит ему в глаза. Она тоже выглядит довольно обычно: младше его лет на восемь, с

короткой фигурной стрижкой, чем-то напоминающую Милу Йовович из “Пятого Элемента”. Холодные серые глаза и обыкновенное, без выражения, бледное лицо с обилием косметики. Вышел и забыл.

-Я увидел вашу рекламу в подъезде и решил зайти, - говорит Сергей.

-Понятно, - отвечает она.

-Что мне нужно здесь делать? Записаться на прием?

-Если вы пришли на первичный прием, то записываться не нужно. Я уточню у Лидии Ивановны, готова ли она вас принять. Или вы по другому вопросу?

Сергей не понимает, что означают слова “по другому вопросу” и просто подтверждает, что пришел на первичный прием.

Девушка поднимается и идет в дверной проем туда, где в обычных квартирах, каковая наверняка и была трансформирована в этот офис, находится комната.

Сергей осматривается еще раз, пытаясь найти что-нибудь положительное в обстановке: камер наблюдения не видно, но и грабить здесь совершенно нечего. Разве что компьютер, и то монитор такой старый, словно был получен бесплатно от прежнего владельца, который не знал куда его деть.

Достижение или нет иметь такой офис? - думает Сергей - впрочем, у меня и такого нет, а при отсутствии денег я бы радовался и ему.

С другой стороны, глядя глазами потенциального клиента, он уже сейчас ощущает недоверие к офису, в котором все настолько дешево и безвкусно.

На стене висит фотография - единственное офисное украшение: на черно-белом пейзаже стоит молодая и очень серьезная женщина в платье в горошек с модным в восьмидесятые начесом на голове. Женщина держит на руках девочку, которая не по-детски хмуро глядит в объектив.

-Лидия Ивановна ожидает вас, - раздается за спиной женский голос.

Сергей вздрагивает и оборачивается. Администратор стоит за спиной Сергея. На девушке простые голубые джинсы и белая блузка. Она ниже его ростом.

-Куда идти?

-Сюда.

Она ведет Сергея через короткий коридорчик в соседнюю комнату, закрытую жалюзи так, что и без того невеселый хмурый, зимний, пусть и дневной свет, кажется несуществующе призрачным. В темной комнате горит лишь монитор - брат-близнец администраторского. Из-за него поднимается Лидия Ивановна, словно в противовес девушке-администратору оказавшаяся довольно высокой. В полумраке можно уверенно сказать, что ей наверняка за пятьдесят лет. Длинные волосы и простое темное платье в пол. Прочие детали не разглядеть.

-Здравствуйте, - ее голос хорошо поставлен и звучит очень приятно, - извините за темноту. Сильная фотофобия, я не могу долго находиться при свете. Надеюсь, что это вам не помешает. Присаживайтесь, пожалуйста.

Она протягивает руку для рукопожатия, сухую и холодную.

-Здравствуйте... - Сергей вертит головой и находит у окна кресло, вопросительно кивает на него и, дождавшись ответного кивка, направляется к нему, - я увидел вашу рекламу и решил сходить, заинтересовавшись...

Лидия Ивановна садится в другое кресло, почти незаметное, стоявшее в самом темном углу. Теперь Сергей может различить лишь ее тонкий и прямой контур, не более.

-Полагаю, что вас побудил прийти сюда не только плакат. Скорее даже, он подсказал путь от какой-то вашей жизненной ситуации к выходу. Грубо говоря, задал вектор. Извините, я не могу предложить вам чаю.

-Ничего страшного. Чем все-таки занимается ваша... организация? Я не нашел описания ни в рекламе, ни в интернете.

-Мы пытаемся изменить существование людей в лучшую, как мне верится, сторону от той, в которой они находятся сейчас. Это не психотренинг и не лайфкоучинг, хотя и не без психологии. И конечно это не связано ни с религией, ни с мистическими духовными практиками.

-Не понял насчет духовных практик.

-Каждая секта начинает с утверждения, что ее религиозная философия - самая истинная, которую возможно постичь через определенные духовные практики. Моя работа - это тоже философия, но она не имеет в основе никакой религии, это довольно простой практический метод изучить и себя настоящего, и окружающий мир. В соответствии с моей философией, человеку для радости чаще всего не хватает сил, чтобы справиться с собственными противоречиями. Соответственно, эти противоречия должны быть устранены, и тогда жизнь станет более радостной. Этим мы здесь и занимаемся.

-Моя жизнь, знаете, все чаще говорит что обстоятельства не всегда зависят от человека. Есть множество других внешних факторов, и дело не совсем во внутренних противоречиях.

-Вы говорите о бихевиористском подходе к жизни, согласно которому человек формируется под влиянием внешних факторов. Не отрицая его основные положения, я утверждаю, что цельная личность может сложиться только в том случае, если добивается гармонии внутри себя при правильном распределении приоритетов, расстановке сил для себя и окружающего. Не всегда имея возможность бороться с жизнью, человек может направлять свою деятельность, опираясь на бихевиористическое прошлое, чтобы добиться большего и преодолеть текущие неприятные жизненные обстоятельства. Понимаете?

-Не понимаю, - признается Сергей.

Силуэт Лидии Ивановны кивает.

-Расскажите, пожалуйста, что вас беспокоит.

-Давайте сперва решим вопрос с оплатой? - предлагает Сергей, вспоминая о своем печальном финансовом положении.

-Хорошо. Первые полгода вы платите по пятьсот рублей за каждое посещение Центра, - ответила женщина, - по окончании этого периода, мы оговариваем дальнейшую оплату работы Центра персонально, в зависимости от достигнутого результата и вашего желания продолжать. Вас устраивает такое предложение?

Звучало вполне приемлемо и демократично.

Глава II

После пары перекрестков дорога сузилась, превратившись в две извилистые полосы, петляющие между лесистых холмов и ручьев. Обгон в этом месте - нетривиальная задача, но Сергей и не обгонял, просто медленно ехал за автобусом, продолжая получать удовольствие от самой поездки и время от времени пропуская вперед те машины, что все-таки куда-то торопились и решались на опасные маневры. Автобус впереди был старым, но вполне комфортным. Такие как этот десять лет назад казались шикарными и, может быть, оставались бы в том же статусе, если бы не новые нормы комфорта: кофемашины, интернет, туалет, и прочее.

Играл Endraum, альбом-сборник неизданных вещей на момент 2015 года, когда о группе исполняющей дарквейв совершенно не в дарквейвном стиле и без того немногочисленные оставшиеся поклонники готик-сцены уже несколько подзабыли. В интервью 2006 года один из участников этого проекта рассказывал, что в их музыке нет мрака, есть светлая грусть и одиночество, а он сам относится к музыке Endraum скорее как к сборнику историй, нежели сборнику песен. Сергей бы с интересом прочитал, что он думает о вышедшем сборнике сейчас, как оценивает этот диск, бывший, на вкус Сергея, как и все творчество Endraum, глубоким, но в данном случае не до конца цельным. Может быть, как к остаткам нерассказанных историй? Может быть, как к воспоминаниям о прошлом? Да, наверное последнее. Наверное именно с такими ощущениями старый человек вспоминает свои лучшие годы: с любовью и легкой печалью по ушедшему.

И все равно, альбом был хорош.

На Endraum мир в целом не обратил внимания. Возможно, из-за камерного характера их музыки или отсутствия некоторой хитовой яркости, позволившей бы пробиться на радио в те времена, когда радио еще имело значение в презентации музыкального творчества. Сергей лично не знал ни одного человека, кроме своей девушки, кто слушал бы Endraum, хотя в интернете не прочитал о группе ни одного плохого отзыва.

Первое воспоминание о музыке у Сергея было связано с пластинкой Тото Кутуньо - итальянским диско-певцом. Сергей не помнил, хорош ли сеньор Тото, но тогда его - пятилетнего ребенка что-то настолько поразило в одной его песне, что Сергей, точнее говоря, тогда еще Сережа, тут же решил для себя, что непременно станет музыкантом. Правда в школе на уроках пения обнаружилось, что у него нет ни голоса, ни слуха, а в музыкальную школу Сергей сам не стал проситься. Но это не помешало музыке вплестись в его жизнь, сопровождать его все последующие годы до этого момента. Кто знает, каким бы стал Сергей, если бы тогда, в пять лет, он не услышал то итальянское диско?

Сергей думал об этом в дороге.

Одна из цепочек событий, начавшаяся в пятилетнем возрасте, постепенно привела Сергея к любви к песням-образам Endraum.

У всех людей есть свои цепочки из прошлого к настоящему. У каждого из пассажиров автобуса впереди и у той девушки тоже была своя причина сесть в автобус, а она, в свою очередь, была продиктована другими причинами, вызвавшими ту жизненную ситуацию, что закономерно привела их к этой поездке.

Сергей умел читать воспоминания других людей. Не всегда хорошо и осознанно, но умел. В этом не было никакой магии, просто полезный навык, приобретение которого спасло ему жизнь, но в целом привело к большой беде, из-за которой он теперь и едет на север.

Сергей поймал воспоминание о будущих майских праздниках.

Майские праздники? А ведь и правда, сейчас самое время.

У девушки из автобуса наконец-то наступили выходные, и она ехала домой в свой небольшой городок на севере области подальше от учебы. Девушка - студентка первого курса.

В отличие от Сергея, она любила город из которого выехала, но скорее на волне нелюбви к своему, как она считала - маленькому, грязному и бесперспективному. Городу, в котором ничего не происходит, в который никогда не приедут с концертами ее любимые исполнители. Девушка любила депрессивный рэп, вроде Оххximирона.

-Поеду в свою сраную деревню, испорчу себе праздники, порадую родителей, - сказала она подруге позавчера.

Девушка была в претензии к своему городку за то, что в нем уже много лет замерла жизнь на эпохе середины девяностых, и единственное будущее, которого она могла бы там добиться - это выйти замуж за такого же бесперспективного мужчину, как и сам город, и нарожать ему детей.

-Тебе замуж пора, - в прошлый приезд сказала бабушка, - еще три года и ты никому не будешь нужна.

-По сравнению с девяносто пятым годом, сейчас есть и другие возможности, кроме замужества и детей, - отрезала тогда девушка.

Несколько школьных подруг пошли путем бабушкиного идеала - одна уже была беременной и говорила об этом с такой гордостью, что у девушки внутри все переворачивалось. Она вспоминала, что эта подруга в школе мечтала стать врачом, а ныне уже об этом не думала, превратилась в часть окружающего тухлого мира. Она словно была дурным вариантом девушкиного будущего: дескать, и ты такой станешь, если останешься здесь. В девятнадцать лет с ребенком и без малейшей перспективы на что-либо еще.

За год девушка разорвала связи со всеми своими друзьями из того городка, выбравшими местные ПТУ и близость к дому, обменяв их на новых, куда более интересных и творческих из большого города. Мегаполису было что предложить: старая и новая архитектура, обилие иностранцев и их культур, изобилие выставок, бесплатные концерты, уличные музыканты, крыши, набережные, огромные старые квартиры, в которых можно было жить большими компаниями, превращая их в своеобразные коммуны. Возвращаться “домой” всякий раз означало бороться с собой настоящей и интересной, да и слово “дом” девушка теперь воспринимала именно что в кавычках.

Ее маму волновало, как бы дочь в большом городе не скатилась вниз по моральной лесенке, но девушка о личной жизни особо и не думала. Конечно, парни ее интересовали, а возможно и девушки тоже, она сама еще не определилась. Но куда больше ее интересовали эмоции, а при активной жизни, где учеба, работа, друзья и городские события переплетались между собой в тугой ком, времени на большую любовь к кому-то пока не хватало - эмоций и так было слишком много. От временных ухажеров девушка уклонялась. Самый смешной из них был старичком, остановившим девушку возле метро. Старичок предложил покатать ее на своем мерседесе в обмен на вполне определенные услуги, но девушка только посмеялась над этим. Впрочем, его и ухажером назвать было сложно: какой-то мужчина на закате лет решивший, что дорогая машина увеличивает прирост влечения в его сторону.

Даже учеба, а девушка училась на геолога, казалась интереснее жизни “дома”, хотя геологом она себя тоже не видела. Девушка считала, что иметь высшее образование просто престижно, да и время на его получение позволяет держаться от дома подальше. Она верила, что задолго до получения диплома они с друзьями обязательно организуют какой-нибудь магазинчик по продаже хендмейд вещей, сняв подвальное помещение в одном из домов восемнадцатого века где-нибудь неподалеку от центра, и после, конечно же, заживут припеваючи.

-Я буду делать курительные трубки, - сказала она во время одного из многих обсуждений будущего с друзьями.

Сергей читал ее воспоминания, перетекающие в общее мироощущение, и чувствовал легкую зависть к такому легкому и простому взгляду на мир, который сам растерял много лет назад.

Будущее девушки он не мог знать: возможно она, как и многие с возрастом, наполнится цинизмом, превратившись в какого-нибудь офис-менеджера, имеющего в шкафу одежду исключительно корпоративного стиля: опрятного, привлекательного и строгого, без малейших намеков на хендмейд; а может быть найдет себе какое-нибудь творческое дело и будет жить беззаботно и красиво, на зависть всем окружающим; может быть выйдет замуж за богатого иностранца, родит ему детей и превратится в милую домохозяйку, в свободное время увлекаясь программированием, просто чтобы не глупеть от домашней работы и мечтать о том, как она могла бы работать в офисе, хотя выбор уже давно сделан в пользу семьи. Прошлое ничего не говорило о том, что будет дальше, но, насколько Сергей мог видеть, открывало куда больше вариантов для ее будущего, чем, например, его собственное.

Юность: чем легче твой груз за плечами, тем больше у тебя вариантов для жизни. В том, пожалуй, и заключается смысл банальных слов об “открытом мире перед молодежью”, которые Сергей в свое время слышал в школе на выпускном от директора. Тогда эти слова казались очень глупыми. Казалось, что директор разыгрывает какой-то спектакль, однажды заученный для всех выпускных сразу, и даже слеза, которую она пустила после слов о том, что их выпуск - самый особенный, казалась невероятно фальшивой. Вероятно так и было, все считали, что директор ненавидит детей и держится за свою должность только потому, что больше ничего не умеет, а должность директора школы все-таки имела статус. Но также она вполне могла говорить заученными словами очень даже нужные вещи.

Сергею вспомнился один недописанный им рассказ, в котором фея - воображаемый друг, вернулась к своему мальчику - ныне старику в глубоком маразме. Его жизнь в то время уже была полностью определена и сузилась до старой квартиры и сиделки - социального работника, которую приставила к нему его дочь - между прочим, директор школы.

Каждый день старик и радовался и злился на фею. Радовался оттого, что он, наконец, мог пообщаться хоть с кем-то; злился же потому, что фея совершенно не изменилась и по-прежнему относилась к нему как к мальчику, который способен фантазировать, верит в магию и любит играть. Фея была капризной и требовательной, обижалась на его медлительность и отсутствие сладостей на полках кухни его квартиры, тянула его на приключения. А старик все никак не мог объяснить, что его время приключений уже прошло.

Сергей не дописал, потому что в свое время его закрутило работой, а спустя неделю, когда вал задач схлынул, выяснилось, что и вдохновение ушло. Творчество, как и фея, сущность капризная и требует, чтобы к нему обращались постоянно. Черновик все еще лежал в ноутбуке, но Сергей был уверен, что уже никогда к нему не вернется.

Он понадеялся, что девушку из автобуса ее внутренняя фея будет вести к чему-нибудь прекрасному.

Сергей намеревался читать ее воспоминания и дальше, но за очередным поворотом увидел стоящего с поднятой рукой человека. У его ног была большая спортивная сумка. Автобус пронесся мимо, а Сергей решил остановиться

Глава 27

Чтобы проиллюстрировать мотивы Сергея, нам будет нужно рассказать о его отношении к прошлой девушке и к работе. Покажем это на конкретном примере.

В конце февраля Сергею в очередной раз написала бывшая, что в целом также можно отнести к неприятностям. Обычно все начиналось с банального “Привет” и какой-нибудь картинки или песни, которая, как она считала, подходила моменту или его настроению на текущий момент. Хотя, конечно, скорее подходила ее моменту или настроению. Если Сергей отвечал, то следовал короткий диалог с пустыми вежливыми сообщениями, вроде “как дела” и тому подобным словесным мусором, за которым уже следовала просьба: что-нибудь привезти, одолжить денег, поговорить с кем-нибудь из общих знакомых насчет того, что ей было нужно. При расставании бывшая сказала, что надеется остаться друзьями, оставив себе, тем самым, лазейку для подобных просьб, а Сергей тогда ей поверил. Каждая просьба была не особо затратной: бывшая хорошо поддерживала баланс запросов, и Сергей всякий раз задумывался о своей мелочности, когда собирался отказать. Но когда не отказывал, то всякий раз чувствовал себя использованным, так как получив желаемое, бывшая пропадала на несколько недель до очередной просьбы.

Проблема была еще и в том, что отказывать было хуже. В свое время они расстались потому, что каждая их ссора заканчивалась публичными обвинениями. Вне зависимости от того, кто был виноват, бывшая писала у себя на страничке в соцсети жалобные высокопарные посты, где Сергей хоть явно и не указывался главной причиной ее бед, но легко читался между строк:

“Моя хрустальная душа дала новую трещину. Никто не знал, что так будет, никто этого не хотел. Но вот она - трещина, и ничего с этим не поделать. Время, говорят, лечит, но пока будущее, куда я смотрю - лишь искаженный, перечеркнутый трещиной образ. Удачи вам, мои дорогие, пусть у вас будет больше чудесного, волшебного и важного”.

Сергей еще был готов смириться с подобным в тех случаях, когда оказывался виноват. Но как часто бывает во многих ссорах, однозначно определить виновного было не всегда возможно, а эти записи вызывали вполне однозначные эмоции у окружающих. После расставания Сергей прочитал их все, как историю их совместной жизни. Десятки лайков в знак солидарности девушке, приоткрывшей всему миру свою треснувшую хрустальную душу, обвиняюще кололи Сергея, взывая к его чувству вины. Сам он такого не писал, поэтому неудивительно, что после окончания отношений почти все их общие друзья оказались на стороне бывшей.

Позже она рассказывала, что сама его бросила, не выдержав черствости, но к тому времени Сергей уже почти оказался полностью выдавлен из своей прежней компании, и было все равно. Потом он познакомился с девушкой-звукоинженером и радовался, что она не давила его своим мнением и не шантажировала публичными страданиями, ну а "друзья" остались по ту сторону закрытой двери прошлых отношений.

“Привет, - пишет бывшая в текущий день, - вспомнила о тебе когда слушала песню”, - к сообщению прилагался трек из The Cinematic Orchestra.

Сергей отправляет ей в ответ нейтральный смайлик и на полчаса уходит в машинный зал настраивать печать, а когда возвращается, то читает:

“Ты в ближайшие дни не собираешься в “Икею”? Я бы съездила и сама, но лучше с кем-нибудь на машине.

“Найди, пожалуйста, другого водителя”, - отвечает Сергей, в этот раз выбрав вариант негодяя и возвращается к перенастройке печатных машин и собственной досаде, так как кроме бывшей подпортили настроение еще и научные мужи и дамы с верхних этажей НИИ, в последний момент прислав измененную схему для печати.

Он думает, что те кто работает на верхних этажах почему-то убеждены, что любой иной труд, кроме их собственного - интеллектуального, неважен и конечно же ничтожен по трудозатратам. Однако, сколько бы раз Сергей ни поднимался в основные кабинеты НИИ по каким-нибудь вопросам, он всегда видел одно и то же: пожилых доцентов и кандидатов наук исключительно с чашками чая в руках, обсуждающих чьих-нибудь детей или другие важные новости, но только не работающих. Сперва он возмущался этому факту, но потом коллега сказал:

-Да перестань ты! Мы тут печатаем платы, а они их разрабатывают и потому считают себя более важными. Здесь нет справедливости, никогда не было и никогда не будет. Зачем париться по этому поводу?

Вот и в этот раз, поругавшись в машинном зале, чтобы никто не слышал, смирившись и перенастроив свои агрегаты, Сергей запускает наконец их в работу и возвращается на свое рабочее место. В ноутбуке имеется отметка о новом сообщении:

“Мог бы и просто отказать, без желчи”.

Сейчас напишет, - думает он, вновь собираясь в машинный зал, - через полчаса точно напишет.

И действительно, вернувшись через полчаса за компьютер он видит у бывшей на стене новое сообщение:

“Хорошо было раньше - ни социальных сетей, ни сотовых телефонов. Бессердечных и тех, кто делает больно просто забывали. В нынешнем мире все не так. Зачем я их постоянно тут вижу? Нет-нет, я не хочу, чтобы у них все было плохо, но и теплых чувств тоже не испытываю. Я знаю одно: те, кто обижает - просто скоты и недостойны ничего, никаких эмоций. Единственное, в такие минуты мне хочется чтобы интернет никогда не изобретался”.

Сергей улыбается. Красиво. Бывшая всегда пишет с такой патетикой, с таким надрывом, что могла бы стать писателем. В прошлый раз она писала о смерти, дескать хорошо, когда лежишь в теплой земле, тебя ничего не беспокоит, и тишина. Это было в ответ на его отказ напечатать ей двести листов на рабочем принтере.

Но Сергей знавал людей, которые действительно хотели покончить с собой. Например та его знакомая, что собиралась вколоть воздух в вену. В последний момент она передумала и отправилась в сумасшедший дом.

Другой был болен раком, и результат полутора лет борьбы с болезнью заключался лишь в обнищании лечившей его семьи. Уже на финальной стадии болезни Сергей дважды навестил друга в больнице, но оба раза говорить оказалось не о чем. Слова “все будет хорошо” казались фальшивыми, а задрипанная больничная обстановка, с полуотвалившейся плиткой на стенах и вездесущим запахом хлорки, действовала так угнетающе, что большую часть времени Сергей просто молчал и сидел рядом с другом, думая о том, что не хотел бы такой смерти себе.

В последнюю встречу друг Сергея сказал, что ему надоело быть обузой родителям и жене.

Выглядел он ужасно: худой, бритый налысо, хотя когда-то обладал густыми непослушными кудрями, в больничной голубой пижаме. Он казался тенью самому себе, и уже было видно, что смерть стоит рядом и ждет удобного момента, и он об этом прекрасно знает.

Через пять дней после последней встречи его не стало.

Вероятно, себя он тоже ненавидел.

Девушка из сумасшедшего дома со временем более-менее пришла в себя, больше суицидальных мыслей не высказывала, но общаться с ней все равно стало очень тяжело, и их приятельские отношения с Сергеем постепенно сошли на нет.

Имея перед глазами подобный опыт встреч со смертью, патетика суицидальных записей в интернете для Сергея выглядела несколько истерично, хотя он и признавал, что с литературной точки зрения красиво и, главное, своей цели запись добивалась, привлекая внимание и сочувствие окружающих.

Телефонный звонок выдергивает Сергея из его мыслей о бывшей. Импульсный отдел и его начальница-пенсионерка, чье настроение напрямую зависит от погоды и связанных с ней болей в различных частях ее пожилого тела интересуется, когда наконец будет запущена ее сборка.

-Перед вами у меня еще две заявки, - отвечает Сергей, - после них возьмусь за вашу.

-Что значит, две заявки? Мне нужно изделие к концу дня! - погода сегодня неважная.

-По странному стечению обстоятельств, тем двум заявкам, что перед вами, требуется то же самое, - Сергей вкладывает в ответ побольше яда, - и всего четыре часа до конца дня. Что же делать?

Вопрос решается радикально: начальница бросает трубку.

Иногда Серей думает, что его работа заключается в поддержке чувства собственной важности интеллигентных пенсионеров, на склоне лет восполняющих унижение, последовавшее за развалом Советского Союза. Тогда, за словом “инженер” закрепилась ассоциация с ненужностью, да так прочно, что откликается до сих пор.

Теперь эта начальница пойдет жаловаться руководству, а завтра, если не добьется своего сегодня, на совещании непременно расскажет о том, как Сергей мешает ее отделу нормально работать.

Рабочее место Сергея - компьютер в маленькой комнатушке со стеклянной стеной, обращенной к печатным машинам. Выход к ним осуществляется через шлюз, в котором полагается мыть руки, надевать халат и бахилы. Может быть потому, что он больше возится с механизмами и сидит не в просторном кабинете, его и считают обслуживающим персоналом?

И без того не самое посещаемое место после увольнения коллеги стало совсем одиноким и пустым. Забытый отделом сисадминов черный пустой монитор на бывшем рабочем месте подчеркивает это одиночество. Сергей пришел сюда на месяц позже коллеги, вместе они противостояли старикам сверху и во многом имели схожие точки зрения. Вдвоем работа не казалась невыносимой, но Сергей осознал это в полной мере только на следующий день после его увольнения, когда пришел в эту каморку и увидел этот монитор.

В сети появились первые комментарии в поддержку бывшей:

“Держись!”, “Не позволяй всяким скотам портить тебе настроение!”

Все как обычно.

Глава III

-Представляешь, я просто сбежал!

Из колонии? - хотел спросить Сергей, но сдержался.

-Откуда?

-Отовсюду! Достало меня все.

Пассажир сказал и замолчал, глядя на дорогу в боковое окно. Автобус куда-то пропал, машина ехала по пустой трассе мимо ряда деревьев. Сергей не возражал против молчания, так как никогда не любил разговоров о погоде, плохих дорогах и прочих вещах, которые обсуждают между собой незнакомые люди только потому, что якобы невежливо просто молчать. Как будто создавать вымученные банальные темы для разговоров более вежливо. Но сейчас почувствовал что надо что-то ответить.

-Можно сказать, что я тоже сбежал отовсюду, - сказал он, - еду на север. Без особого плана. А вы?

-Я еду в Оленевку. К брату. На рыбалку.

-К брату на рыбалку наверное круто сбегать. А что потом?

-В смысле, что потом? Я просто чувствую, что больше не могу. Сколько тебе лет?

-Мне? Тридцать пять.

-А мне сорок, и из них двадцать два года я женат. Построил для семьи дом, баню, построил гостевой дом, построил детям бассейн, детскую площадку, построил причал возле озера. Знаешь, какое у меня хозяйство? Лошади, коровы, собственный комбайн. И природа такая вокруг, что больше ничего и не надо: хочешь - озеро, иди и лови рыбу, хочешь - лес с грибами. И воздух чистый.

Сергей никогда не испытывал желания жить на природе, больше ассоциируя деревенский быт с разрушенными домами, грязью и алкоголизмом, но все же решил поддержать:

-Вам надоела эта роскошь, и потому уходите к брату?

-Ну нет, у брата тоже все отлично. Большой дом и своя база, куда приезжают летом отдыхать городские. Там тоже озеро, и лодки сдаются в аренду. Короче, живи - не хочу. Рук ему не хватает. И он уже много раз мне говорил: приезжай, будем рыбачить и вместе вести хозяйство.

-Тогда я не до конца понял, - удивился Сергей, - дома все хорошо, у брата дома все хорошо. Куда и зачем сбегать?

-Жена, - мрачно сказал мужик, - жена и дети. Понимаешь, я все это построил, но один уже не справляюсь. У меня трое детей: старшая уехала в город, выучилась там на бухгалтера и теперь приезжает только по праздникам с мужем; средний учится там же; младший смотрит в интернете какое-то говно и рассказывает, что будет каким-то блогером, начнет ездить по городам и что-то снимать. А жена им потакает. Последний месяц убеждает: надо хозяйство продавать и переезжать в город. Купим, говорит, квартиру. Ты, говорит, с руками, найдешь себе нормальную работу. Маму будем в нормальных больницах лечить - у тещи ноги больные: на холоде их крутит, плюс сердце... ну, сам понимаешь, возраст.

Машина пересекла мост, брошенный через небольшую, прятавшуюся в лесу извилистую речушку с труднопроизносимым названием, указанным на табличке рядом. Солнце уже касалось своим краем елей на западе, предвещая отличный вид на тех поворотах, что будут смотреть в сторону заката.

-То есть, с одной стороны, толика здравого смысла в городе все-таки есть? Просто не хочется бросать нажитое? - уточнил Сергей.

-Свобода! В городе тебе принадлежат только квартира и гараж. Даже работа не твоя, ты просто один из работяг в чужой конторе и гнешь спину на чужого дядю. А тут я сам себе

хозяин: что хочу, то и строю, а природа - она общая. В этом все дело... Ну вот ты явно из города - чем там лучше? Жизнь дороже, свободы меньше, продукты невкусные...

Существует некий воспитанный советским кинематографом и пропагандой образ “обычного русского мужчины”: широкоплечий, голубоглазый, светловолосый. Вытесанное, будто из камня, лицо с этаким тупым носом и полными губами, исполненное внутреннего благородства и великодушия. Смотришь на такого и кажется, будто этому мужчине все по плечу: и врага победить, и коммунизм построить, и любить до конца жизни. Сам Сергей этому образу не особо соответствовал, будучи на четверть южанином из земель, что раньше принадлежали кочевникам, но в детстве очень хотел походить на всех одинаковых положительных русских героев сразу. А повзрослев заметил, что в жизни куда чаще чем такие вот славянские богатыри, встречаются совсем иные, скажем так, настоящие русские мужики: крепкие, с красными круглыми лицами, с лишним весом, не чрезмерно лишним, но неизменно присутствующим, вечно всем недовольные, уставшие от жизни, в которой постоянно не хватает чего-то основного - то ли денег, то ли спокойствия. На фоне героев советских фильмов совершенно некрасивые, но взамен умеющие выкручиваться из любой жизненной ситуации. Совсем как этот пассажир, одетый неброско, пахнущий потом и сигаретами. Посмотришь на такого и не поверишь, что он имеет огромное хозяйство и соответствующую ему цель в жизни. А у Сергея - изнеженного городского жителя, не было ни того ни другого.

Он был бы рад рассказать этому мужику, чем хорош город. Объективно - сервисом, технологиями, событиями, всем тем, чего в российских деревнях не будет еще лет пятьдесят, но понял, что прямо сейчас не сможет этого сделать ни при каких обстоятельствах.

-Знаете, - вместо этого ответил Сергей, - я сейчас сам еду из города. Вообще, конечно, в большом городе у человека есть шанс стать чуть большим, чем он есть сейчас, но только это…

-...это мало кому удается, верно?

-Ну да. Вроде того.

-А ты сам-то откуда?

-Я? Из небольшого города на востоке. Вырос и переехал в большой город. А теперь и оттуда уезжаю.

-То есть, ты уехал в большой город, ничего не добился и теперь сваливаешь? - уточнил он.

Сергей расхохотался.

-Да! Именно так! Я совершенный неудачник, поэтому и не могу привести нормальных аргументов! Хотя раньше всегда хотел жить именно в большом городе.

-Фирму хотел открыть?

-Нет. Я и сам не знал чего хочу. Ну, то есть знал, чего хочу от жизни, но не знал, как к этому прийти. А потом все закономерно покатилось под гору и закончилось тем, что я тут, и мы разговариваем о моих проблемах.

-Да уж… - мужик не нашелся что ответить и погрузился в свои мысли.

Дорога принялась петлять сильнее, то поднимаясь на сопку, то опускаясь, то изгибаясь, то резко поворачивая, превращая путь из полета по прямой в бесконечную борьбу с рельефом. Будь она разбитой - утомляла бы сверх меры. Однако дорога была отличной, и потому эти “американские горки” были скорее в радость. Солнце плясало между деревьями, все больше алея и увеличиваясь в размерах, а небо вокруг него уже изменило свой цвет. Редкие облака подсвечивались в неземные оттенки, пропуская сквозь себя лучи каким-то особым “ангельским” светом, отчего казалось, будто за машиной наблюдают с небес.

-Да… у нас с тобой совсем разная ситуация, - сказал наконец мужик, - тебе и терять особо нечего. Захотел - собрался и поехал. А у меня целая жизнь разрушается из-за семейных разногласий.

Сергею не хотелось сравнивать его жизнь и свою. Спросил только:

-Я вот что не понял: вы говорите, что не хотите ничего терять, но едете к брату, бросив все. Чем это лучше переезда в город?

-Да хрен знает! - буркнул мужик. И тут же добавил, - я просто не хочу переезжать. Поздно мне уже, понимаешь? Будь мне двадцать лет - возможно я бы там замутил какое-то предприятие, стал бы богатым, устроил бы своих детей куда-нибудь покруче. А кому я там нужен в сорок лет?

У Сергея больше не нашлось ни вопросов, ни аргументов.

-Поживу недельку у брата, достроим причал, приведу мысли в порядок и поеду назад. Он отвезет. Ты не подумай, вообще я на машине, просто машину забрала жена - повезла маму к кардиологу. Вернется - а меня уже нет, - он довольно рассмеялся, будто эта мелочная упрямая месть обеспечивала победу в семейных склоках.

Кто знает, - думал Сергей, - будь я на его месте, может быть и сам рассуждал бы также. Но так как мир не дал мне возможности родиться в деревне и шансов заниматься натуральным хозяйством, строительством причалов своими руками и иметь собственный комбайн, то не привил, как следствие, и желание со всем этим жить.

Сергей мог понять радость просыпаться по утрам и видеть огромное не заслоняемое домами небо, возможность дышать чистым воздухом, не ограничивать себя пространством квартиры, равно как и возможность смотреть за тем, как создаваемое тобой день за днем обретает законченность, но только частью своей души, изрядно при этом идеализируя. В его комнате воспоминаний не хранилось никакого реального опыта ведения хозяйства, не считая уборки в доме, и сама мысль о том, чтобы построить дом, тянула за собой множество других, описывающих возможные проблемы, которые могут возникнуть на этом пути у человека, не имеющего должных к тому навыков.

Появился знак, указывающий на то, что следующий поворот будет к Оленевке.

-На перекрестке останови, ладно? - попросил мужик.

-Может быть вас довезти прямо до места? Я не особо тороплюсь.

-Не… там дорога плохая. Пять километров одних камней и ям. Побереги машину, она тебе еще понадобится.

Сергей пожал плечами и прижал машину к обочине у самого перекрестка.

-Спасибо, - сказал мужик, - удачно тебе добраться, - и с такой силой хлопнул дверью, что задребезжало стекло.

Глава 26

-Давайте займемся визуализацией, - говорит Лидия Ивановна из своего темного угла приятным нейтральным голосом, - представьте себе место, где могли бы храниться ваши воспоминания. Пофантазируйте: это может быть библиотечный каталог, гараж, подвал или, может быть, этаж дома. Максимально подробно, насколько это для вас возможно.

Будучи писателем, пусть и не состоявшимся, Сергей не может отказать себе в фантазии. Но все равно считает нужным спросить:

-Зачем это нужно? Какой-то психологический прием?

-И да, и нет, - в темной комнате женщина кажется привидением. Темное платье сливается с окружением, усиливая впечатление. Виднеются лишь контуры ее рук - худые, бледные с едва заметными пигментными пятнами, да еще бледное лицо в глубине. Впрочем, беседовать с ней приятно и так, - я предполагаю, вы не знаете с чего начать работу над собой. Считаю, что подобное описание придаст некоторую реальность вашим текущим мотивациям, которые тянутся из прошлого. Согласитесь, ведь проще перебирать лежащие в известном месте вещи, нежели хаотично разбросанные по углам? Воспоминания возможно визуализировать в виде таких вещей.

-Ну хорошо…

-Подумайте, я вас не тороплю.

Сергей чувствует легкое покалывание в голове - как будто предвестник головной боли.

-Мне представляется комната. Где-нибудь, знаете, на верхнем этаже, может быть даже мансарда, с чуть скатной крышей.... то есть, над головой крыша, но это не чердак, а именно что жилое пространство, переделанное в хранилище. Окна. Внутри пыльно, и свет, проходящий через стекла, заставляет плясать пылинки в воздухе.

Едва заметное движение головы в ответ - кивок, подсказывающий, что Сергей на верном пути.

-Дверь оттуда ведет на узкую скрипучую лестницу. А в самой комнате есть старый умывальник, который, правда, не работает, поскольку его давно отключили.

-Хорошо, - говорит силуэт.

-Из мебели имеются диван, шкаф, стол и пара стульев, - все старые, но крепкие. Но стоят как попало. Шкаф - в метре от стены, диван - под углом к окну. Впрочем, комната большая, поэтому такое расположение почти незаметно. Во всяком случае, с первого взгляда. Повсюду лежат вещи: на диване, накрытые полиэтиленом, в коробках на полу, сложенные в тюки и сумки и просто так. Стол завален бумагами. Прочие вещи - одежда, инструменты, детские игрушки, аудиокассеты. Вместо светильника на потолке торчат провода.

-Воспоминания - это вещи, правильно?

-Воспоминания - это… да. И вещи, и одежда, и бумаги.

-Очень хорошо, - Лидия Ивановна вновь кивает, - прислушайтесь к ощущениям: что вы слышите, находясь в этой комнате?

-Слышу? Я ничего не слышу. В комнате тишина, кроме тех случаев, когда я перемещаю тот или иной предмет. Хотя нет, пускай в комнате будет очень тихий источник музыки, вроде радио, только без слов, для фона.

-Как думаете, часто ли вы ходите по комнате и перемещаете вещи? И еще, вы приносите туда вещи, или они появляются там сами?

-Я бы сказал, что скорее их инспектирую. Прихожу, чтобы отдохнуть и всякий раз замечаю что-то новое. Или не замечаю. Порой так время и провожу - хожу среди вещей-воспоминаний и думаю откуда они взялись.

-Вещи вам знакомы?

-Мм… сложно сказать. Наверняка они все знакомые, но я не всегда могу понять, при каких обстоятельствах и почему они оказались здесь.

-А дверь в это помещение закрыта?

-Не знаю. А это важно?

-Представьте, что дверь в помещение, где хранятся ваши воспоминания, полуоткрыта. Любой человек, подчиняясь сиюминутному любопытству, может увидеть эту дверь и заглянуть. Может быть и вы бы заглянули в чужую дверь, случись с вами такая ситуация. Комфортно от такой мысли?

-Хм… пожалуй, нет. Пусть дверь будет закрытой, - говорит Сергей.

-Очень хорошо, - вновь повторяет Лидия Ивановна, - предлагаю выполнить задание к нашей следующей встрече: попробуйте подобрать музыку, которая наилучшим образом подходит к описанной вами комнате. Ту самую, что слышите там. Справитесь?

-Думаю да. А какая потребуется музыка?

-На ваше усмотрение. На сегодня наша встреча подошла к концу. Не забудьте, пожалуйста, отметиться у администратора.

Отметиться у администратора означает оставить подпись в журнале посещений.

-Не подскажете, кто изображен на фото? - спрашивает Сергей, возвращая девушке за компьютером журнал и кивая на стену. Не то, чтобы ему интересно, просто на контрасте мягкой беседы с ее начальницей администратор обжигающе холодная.

Она переводит взгляд на стену, потом на Сергея и, глядя ему в глаза, произносит:

-Не знаю, - и возвращает свой взгляд к монитору.

Странный этот Центр Радости, - думает Сергей, шагая через подмерзшую лужу у входа, - странный не в глобальном смысле: неприветливая секретарша, устаревший интерьер, женщина - очевидно психолог с неприятным заболеванием, название, - набор элементов, в каждом из которых по отдельности не было ничего странного, но собравшись вместе он вызывает именно что странное ощущение.

Впрочем, какое мне дело? - рассуждает он, - лишь бы помогло выбраться из той жизненной дыры, в которой я оказался.

Музыка, - думает Сергей, шагая по темнеющему городу домой, - это однозначно не должна быть рок-музыка. Комната с воспоминаниями - место спокойное, подходящее для созерцания. Кстати все, что там есть - относится ко мне, прямо или косвенно, и странно что я сказал, будто не могу вспомнить, каким образом оно там оказалось. Наверняка там лежат мои старые вещи и вещи людей, которые когда-либо оставили след в моей жизни… Итак, музыка… Это не может быть фолк или апокалиптический фолк: первый слишком веселый или слишком лиричный, второй чрезмерно психоделичен по своим текстам. Разве что Rome - немного пианино, мягкий вкрадчивый голос, рассказывающий о прошедших потерях… может быть, даркwейв - не ритмичный и жесткий, более спокойный, вроде Endraum или даже Sopor Aeterrnus & Ensemble Of Shadows? Впрочем, последнее - точно нет, потому что образ жизни Анны Варни наводит аллюзии на Лидию Ивановну, а отдельные песни никак нельзя назвать спокойными. Может быть, академическая музыка? Например, Шуберт?

Сергей решает зайти в магазин. Возле магазина стоит скамейка, а на ней сидит подросток лет шестнадцати и сворачивает самокрутку. На коленях - рюкзак, на рюкзаке - остатки табака или чего-нибудь посерьезнее. Ни от кого особо не скрываясь, он делает то, что скорее всего запрещено законом. На него никто не смотрит: все люди идут по своим делам: закупаться продуктами, выгуливать собак, разговаривают по телефону или слушают музыку в наушниках, - каждый в своем внутреннем мире, целый город незнакомых и безразличных друг другу людей.

Как собственно и я, - думает Сергей, - день за днем варюсь в своих проблемах, не обращая внимания ни на что больше, пестую свои несчастья, жалею о том, что не произошло или о том, что произошло…

Тут нельзя, впрочем, не отметить, что это внезапное озарение не мешает Сергею жалеть себя меньше или неожиданно заняться рутинными делами с удовольствием. Но возле кассы он ловит себя на той мысли, что раньше, в детстве, жадно впитывал все новое. Ныне, прожив три с лишним десятка лет, все новое стало вызывать ощущение некоторой досады: дескать, опять придется что-то изучать, затрачивая время, которое можно было бы потратить на… на… на этом мысль останавливается, и наш герой неожиданно для себя понимает, что не видит ситуации, в которой может оказаться, не испытывая чувства досады, и может быть это и стоит прояснить в Центре Радости в следующий раз?

Выйдя из магазина, Сергей ищет глазами парня с самокруткой. Его уже нет. Теперь на этом месте сидит какой-то мужчина в пальто и костюме и устало объясняет по телефону, что договор на оказание услуг необходимо переделать.

Будто щелкнули переключателем и мир изменился.

Добравшись до квартиры, Сергей первым делом включает ноутбук, подумав что пока рутина его вновь не поглотила и мысль о досаде еще свежа, стоит придать ей художественную форму. Он быстро раздевается, убирает продукты в холодильник и начинает печатать:

Главный герой живет обычной жизнью: ходит на работу в какую-то государственную чиновничью затхлую контору, одинок, имеет однокомнатную квартиру и обычных соседей; на работе все гадают почему он не заводит семью, а герой только улыбается и говорит, что не сложилось. В остальном - обычный мужчина лет сорока пяти - сутулый, в очках, всегда одетый в старый костюм, потрепанное пальто и шляпу; настоящий интеллигент, вежливый, с тихим голосом; никто о нем не может сказать ничего дурного.

Зовут его Петром, и он делает добрые дела. Насквозь положительный, но невзрачный Петр тратит жизнь на мелочи: кому-то найдет и вернет кошелек, кому-то подарит кружку взамен разбитой, кому-то поможет дотолкать машину, а если остается свободное время после добрых дел, читает книги - русскую и мировую классику.

Каждая сделанная им добрая мелочь является незначительной лишь на первый взгляд, на деле являясь тем самым камушком, что увлекает за собой лавину: подаренная кружка в конечном итоге пробуждает в ее владельце стремление помириться с женой; найденный кот спасает отчаявшуюся девушку от самоубийства; человек, у которого застряла машина, опаздывал на сделку по созданию благотворительного фонда. Таким образом, Петр улучшает жизнь многих людей.

И здесь начинается конфликт, так как книга без конфликта, согласно всеобщему писательскому соглашению, является простым описанием событий. В книге конфликт воплощен в другом человеке, которого зовут Василием, и этот Василий мешает всем жить: именно из-за него разбивается кружка, ломается или застревает машина, пропадает кот… - он виновник всех бед в книге, и он, как и Петр, также совершает незаметные вещи, которые могли бы привести к некоему большому злу, не будь рядом Петра.

Однажды они встречаются: Петр - интеллигент среднего возраста и Василий - этакий лощеный бизнесмен, человек, который знает себе цену, но без вульгарной пошлости постсоветских бизнесменов, спустя двадцать лет кое-как пришедших к тому, что слова “бизнес” и “быдло” могут иметь общими только первые буквы; Василий не таков: он настоящий джентльмен, мечта культурных женщин и недосягаемая высота для некультурных. Они садятся ужинать в небольшом ресторанчике и заказывают еду: Василий бокал вина и стейк, Петр - чай и салат. Василий говорит, что это было хорошее противостояние, но он все равно победил - лежащая в больнице потенциальная писательница, этакая ранняя Ле Гуин, умрет, не написав свой шедевр, и спасти ее уже не удастся.

-Наше противостояние окончено, - говорит Василий Петру, - сам знаешь, жизнь спасается только в обмен на другую жизнь, а это уже не твоя сфера.

Петр улыбается сквозь очки, и признает что Василий очень хитер, и поздравляет с победой, а Василий великодушно говорит, что в знак некоторой компенсации заплатит за обед.

Петр возвращается домой, медленно снимает пальто, выключает электричество в щитке и перекрывает газ. Спускается и кладет ключи в почтовый ящик, чтобы людям было проще открыть дверь. Выходит на балкон. Смотрит вниз, на обычный постсоветский двор, окруженный одинаковыми блеклыми панельными девятиэтажками, уставленный машинами и прыгает...

Вверх, прямо на небеса, где его встречает другой мужчина, по имени Михаил и говорит:

-Ну что-то ты очень уж долго. Мы тебя уже заждались.

-Было очень много дел, - отвечает Петр, забирая у Михаила ключи.

Синопсис готов.

К тому моменту, когда девушка возвращается домой, Сергей пребывает в прекрасном настроении. Впервые за долгое время.

Глава IV

К тому времени, когда солнце уже почти село, он успел проехать несколько деревень с труднопроизносимыми и потому не запоминающимися названиями, взявшимися из какого-то диалекта одного из десятков народностей, населяющих страну. Современная Россия - это лоскутное одеяло из национальностей. Чем дальше от больших городов в дебри, тем больше это заметно: старые избы, каких больше нигде не строят, соответствующие местному колориту отдельные словечки или даже целый говор, кулинарные предпочтения и многое прочее. Жителям больших городов, где все более-менее усредненно, это незаметно, в особенности москвичам и петербуржцам, традиционно претендующим на российский фасад. Если разобраться, то Москва - это космополитичный микс из всего, что есть в мире, в том числе вобравший в себя и российский колорит, вместе с постоянно мигрирующим из других частей страны населением; Петербург - город претенциозный, кичащийся своим помпезным прошлым и доживающий на его обломках с населением, большая часть которого не ценит подаренную предками красоту. Эти два города - тридцать процентов всего населения России.

Из оставшихся семидесяти процентов половина - жители крупных провинциальных городов, в основном проложенных вдоль Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей.

Отсеяв и их, оставляем тридцать пять процентов населения, из которых несчастная половина - жители моногородов, где ничего хорошего не происходило со времен развала Советского Союза, и очередная половина от половины - жители больших сел, определяющие сельское хозяйство страны.

В итоге остались те, о ком Сергей и думал - последние девять процентов. Всеми забытые жители малых населенных пунктов, куда так просто не попадешь: местные жители и малые народности, не нашедшие своего места в экономике и социальной политике государства. Может показаться, что девять процентов - это не так много, но если предположить, что в России живет сто сорок миллионов человек, то девять процентов из них - двенадцать с половиной миллионов. Поболее, чем всего населения в иной другой стране.

Сергей рассуждал сам с собой об этих двенадцати с половиной миллионах. Они живут в крошечных деревнях, где не всегда есть магазин, добывают воду из колодцев, едят еду, которую сами же и выращивают, так как далеко не для всего им была предоставлена возможность обменивать блага на деньги. Никто об этих людях особо не думает - ни жители больших сел, ни, тем более, жители Москвы или Петербурга. Они просто выпали из российской современности, и что с ними делать - никто не знает.

Если даже зажиточный фермер вынужден несколько часов везти свою тещу в большой город чтобы попасть к врачу, то что делать всем прочим?

Сергей ехал мимо деревень по хорошей дороге и думал об этом. То, что ему попадалось, сложно было назвать краем цивилизации, медвежьим углом. Отнюдь, дорога доказывала обратное: здесь ездят автобусы, во всяком случае Сергей видел автобусные остановки; а еще таксофоны, деревянные и кирпичные дома, каждый за своим забором - все разноплановые, но чем-то неуловимо похожие. Но также он знал, что если съедет с трассы на каком-нибудь перекрестке, то скорее всего километров через пять отвратительной грунтовки приедет в куда менее благополучное место.

Да и здесь, в целом, деревенское благополучие скорее доказывало, с каким опозданием цивилизация добирается в подобные места. В свое время, глядя на иные европейские сельские пасторали, Сергей понимал, почему почти все фотографии и рисунки российской деревенской жизни, если они не ставят себе целью печальный бытовой реализм, акцентируют свое внимание на природе: полях, холмах и лесах, - на которых отдельные разваливающиеся домики выглядят естественным элементом, а вовсе не нищей гранью российской действительности, ребенком

с синдромом Дауна среди обычных здоровых детей, с каждым годом все более отстающим в своем развитии от остального мира. Да, солнечные дети тоже имеют право на существование и счастливую жизнь, но кто из здоровых людей хотел бы променять свою жизнь на ограниченную? Очень странный? Так и с деревнями. Кто поедет в полуразвалившийся дом жить натуральным хозяйством из города, где тебе еду привезут домой в течение часа?

Сергей мог бы рассказать об этом своему попутчику, но сравнение пришло к нему слишком поздно. Да и обижать его все равно не хотелось. Все-таки тот своими руками построил дом...

В колонках опять играл Крис Ри, на этот раз альбом восемьдесят седьмого года, название которого Сергей не помнил. Песня Windy Town - этакий типичный рок той эпохи, похожий и на Status Quo, и на Джо Кокера, и на Dire Straits, и всех прочих столпов, сейчас почитаемых за классику рок-музыки даже несмотря на то, что многие из них несколько раз меняли свой жанр, а восьмидесятые были лишь третьей волной рока, причем наиболее коммерческой.

Возможно текущей ситуации больше подошло бы фортепиано или даже эмбиент, ненавязчиво заполнивший бы пространство своей атмосферой и добавивший ощущений миру, но пока что Сергею хотелось этакого взрослого рок-н-ролла. Спать не хотелось, равно как и есть. Кажется, те события, что предшествовали началу поездки, все еще творили с его организмом что-то невообразимое - адреналин, избыток которого еще возьмет свою плату. Но пока что ехать было можно, и пока это было все, что Сергею сейчас требовалось.

Удивительный человек Крис Ри, ухитрявшийся плавать между поп-роком и блюзом! Он добился мировой славы далеко не сразу и всегда считался звездой второй величины, идущей по уже проторенной другими музыкантами дорожке. Но и плохого про него нельзя было сказать совершенно нечего, и его музыка, если отвлечься от вопроса о первенстве жанров, была скромной, но вполне себе отличной и довольно сложной, если вслушиваться в партию каждого отдельного инструмента. Крис был как хороший трудяга, о котором никто не может сказать дурного слова, но и поздравляют его в коллективе только по праздникам, только тогда и отмечая, насколько он хороший специалист. А еще, у Криса Ри имелись серьезные проблемы со здоровьем, и Сергей от всей души пожелал ему долгих лет.

И без него мертвецов более чем хватало.

Почти каждая деревня, которую проезжал Сергей, содержала в себе несколько заброшенных домов. С заколоченными окнами, просевшей крышей, поваленной оградой. Думая о деревнях, Сергей напомнил себе и о том, что большая часть медвежьих углов все-таки вымирает, и даже те рожденные в деревнях дети, что сегодня еще играют на обочинах дорог, завтра, в большинстве своем, переберутся в населенные пункты побольше, потому как жизнь фермера в России - это приговор на вечную борьбу с нищетой и ненужностью. Хотя и странно почему: в соседней Финляндии с сельским хозяйством все в полном порядке.

Последние две деревни, которые Сергей проехал до того, как опустилась темнота, оказались пустыми. Обозначали населенные пункты лишь белые таблички: въехал и выехал, и на том знакомство с ними заканчивалось. Наверняка эти названия присутствуют в каких-нибудь кадастровых документах, географических справочниках, отчетах чиновников и на интернет-картах, но по факту в них уже ничего нет, только призраки, которых забыли уехавшие жители, некогда женившиеся, ссорившиеся, ездившие в город рожать или возившие родственников с больным сердцем в больницы. Вероятно некогда они смотрели на закат, как и Сергей в тот момент, и мечтали, как и он, о лучшей жизни, а на следующий день доили коров или чинили прохудившуюся крышу. История каждого такого населенного пункта ушла в прошлое, и если сохранится где-нибудь через полвека, то лишь в диссертациях этнографов, которые все равно никто не читает.

На каждом забытом поле, во дворе каждого пустующего дома, тянулись вверх сухие остовы борщевиков. Сергей помнил, что эти растения ядовиты, но больше ничего о них не

знал. В его представлении, борщевики походили на древние растения из детских энциклопедий про динозавров. Впрочем, тогда динозавров даже еще не соотносили с птицами, а иллюстраторы, готовя материал к выпуску, вполне могли и перерисовать борщевик, изменив ему размеры, лишь бы выглядело почуднее.

Здесь борщевик тоже выглядел чуждым, будто само прошлое восставало и накладывалось на удручающую деревенскую современность.

Глава 25

Поцарапанная машина теперь каждый день напоминает о том, что Сергей не только плохой водитель, но еще и мелкий преступник, которого, если следовать закону, следует лишить прав. Не то, чтобы Сергей так уж жаждет водить, скорее даже наоборот - в его городе ездить по городу неудобно, однако без машины качество жизни все-таки было хуже: например, на машине проще ездить в магазин, не таская множество пакетов оттуда и до дома, не нужно подстраиваться под городские маршруты, а уж ездить за город в разы комфортнее и быстрее, чем на электричке.

Теперь ему кажется, будто машина своей царапиной подчеркивает все его неудачи. Нужно везти ее в ремонт, чтобы закрасить дефект, но деньги закончились, а на носу 8 марта, после которого их станет еще меньше, и жаловаться на это девушке нельзя. Так что теперь всякий раз, когда Сергей выходит к машине, то думает о ремонте, но ничего не делает.

Будние дни у Сергея начинается более-менее одинаково: девушка его расталкивает и засыпает вновь. Он идет на кухню и варит кофе, делает какой-нибудь нехитрый завтрак - тосты или мюсли, что-нибудь, что можно съесть и продержаться до обеда, при этом не затратив много времени и сил на приготовление. Читает с телефона новости о мире и о друзьях, по большей части бывших. Новости тоже большей частью однотипные: друзья выкладывают фотографии о своих хороших моментах в жизни, и если не вчитываться, то может сложиться впечатление, будто у всех все хорошо. Плохое обычно пишут текстом, причем сразу помногу. Образцом является его бывшая, и делается это, как Сергею кажется, специально, чтобы каждый читатель получил исчерпывающую информацию о печалях автора.

У него самого, заметим кстати, текстов намного больше, чем фотографий. На страницу к Сергею заходят нечасто, что впрочем логично: никто не хочет общаться с нытиками, никому не нужен негатив, если конечно не превращать свою жизнь в трагичный сериал, за которым интересно следить.

Многие из его друзей уже давно женились или вышли замуж, обзавелись детьми и ведут типичную спокойную взрослую жизнь, смысл которой заключается большей частью в том, чтобы доступными средствами обеспечить уют себе и потомству и радоваться простым вещам, вроде первых шагов ребенка, тому, что он не болеет, возможности поехать в отпуск в Турцию, или даже в возможности купить какой-нибудь гараж. Сергей читает об этом в соцсетях, а после идет будить девушку, которой идти на работу гораздо позже, поэтому утренние часы она использует для сочинения музыки, когда Сергей уходит и ей не мешает. Пока девушка встает, Сергей пьет кофе, идет в душ, собирается и выходит.

Обычно он ездит на работу под какой-нибудь старый и некогда культовый, но уже давно забытый рок - Genesis или Дженис Джоплин, поющих о волшебных или актуальных вещах шестидесятых, семидесятых и восьмидесятых годов. Безумно далекое время, которое сейчас кажется менее циничным, нежели современное, возможно благодаря интернету, давшему миру грандиозные новые возможности, одновременно обесценив все старые. Сергей любит подпевать старым рокерам о том, что Англия продается за один фунт, или что господин желает купить ему “Мерседес”. Вокруг едут другие люди со своими проблемами, тоже возможно подпевающие какой-нибудь музыке, все объединенные одной целью поскорее и вовремя успеть к рабочему месту и сетуя друг на друга за то, что прочие мешают сделать это в комфортном режиме, вынуждая стоять в пробках.

Дорога до работы занимает около часа по грязным улицам, а на границе зимы и весны все улицы здесь грязные. Сергей глазеет на серый пробивающийся сквозь седые тучи свет и думает о том, что зима наконец-то заканчивается, и пытается поймать весь спектр ощущений, связанных с весной.

В машине имеется еще один важный плюс - это свое пространство: здесь не нужно толкаться с людьми в автобусах или метро, искать способ отгородиться от них наушниками или книжкой, уйти в свои мысли намного проще, что для предстоящего рабочего дня было немаловажно, и Сергей с удовольствием пользуется этой возможностью.

Парковка перед работой представляет собой широкую асфальтированную площадь между зданием НИИ и оградой с колючей проволокой, а доступ к ней возможен лишь тем, кто работает здесь больше года, давая тем самым воспитанным на советских принципах пенсионерам инструмент для классового неравенства с новичками. У директората имеется своя выделенная территория, на которую нельзя посягать более никому, а прочие, имеющие доступ к парковке, оставляют машины на любом оставшемся месте. Сергей обычно сбоку, откуда машину видно из бокового коридора, ведущего в его секцию. Однако сегодня, а мы уже переходим из повседневного в настоящее, он опаздывает из-за пробки, и на его обычном парковочном месте уже стоит машина старого деда из планового отдела, так что Сергей, ругнувшись, едет на место для “штрафников” - позади здания, рядом с автономной котельной и служебным вечно запертым выездом. Здесь обычно останавливаются грузовые машины, привозящие воду и продукты для столовой. Тут же паркуются те, кто обслуживает ученых - уборщики, слесари, все те, кого важные постсоветские старички предпочитают не замечать.

С этой стороны конечно тоже имеются входы в здание, но попроще главного, с дверями пониже, да и ведущие не в холл, а на кухню или на склад. Имеется дверца для дворника, где тот хранит свой инвентарь, вход в помещение с насосами и помещение венткамеры. Там же располагается и пожарный выход, не запираемый якобы по недосмотру, а по факту, служащий местом для курения женщин, вроде как стесняющихся этой привычки, но при всем прочем не желающим от нее избавляться.

В начале рабочего дня здесь никого нет, ибо начало рабочего дня - время обмениваться родившимися за вечер сплетнями и пить чай, или сидеть в интернете и пить чай. Первые курящие ласточки прилетят сюда в первый технический перерыв, то есть около одиннадцати часов.

С этой стороны имеется еще одна дверь, оставшаяся со времен до НИИ, когда на этом месте стояло другое здание, разрушенное во время войны, и на костях которого позже возвели это - в стиле лучших традиций советского брутализма. Сергей еще не знает, как выглядело старое здание, но уже подозревает: вряд ли оно воплощало в себе все шаблоны коммунистической веры в будущее - массивные округлые бетонные конструкции серого цвета. Во всяком случае, по его мнению именно, таким - округлым, серым и бетонным представляло себе коммунистическое будущее советское министерство культуры до начала девяностых годов, неизменно показывая его в разных фильмах, а министерство строительства воплощало в разных передовых домах. Сергей, не являясь коммунистом, всякий раз приезжая на работу, нет-нет а задумывается об этом и о людях, которым говорили, что они должны немного пострадать ради такого вот круглого бетонного будущего.

Впрочем, как писал Пелевин, вместо обещанного коммунизма в восьмидесятом году случилась Олимпиада, а потом стало понятно, что дальше ждать уже особо нечего; лишь монументальные здания да министерство культуры по инерции еще продолжали воплощать веру прошлого на деньги, которые выделяла компартия из недоразвитой экономической среды развитого социализма.

Так вот, та самая дверь, что осталась здесь еще с тех времен, что можно было бы назвать истинно буржуазными, всегда была запертой. Она стояла неприметная, выкрашенная в бетонно-серый цвет, закрытая на засов большим ржавым замком. За такими дверями могла бы раньше располагаться конюшня, или вход в подвал, где хранились запасы на зиму. Так или иначе, а Сергей всегда относился к двери, как к некоторому постороннему предмету на заднем фасаде, с которым никогда ничего не происходило.

Но сейчас дверь приоткрыта: а замок лежит на земле.

Сергей оглядывается. Дверь мог открыть завхоз или дворник с любой целью, например посмотреть, под что это место можно приспособить. Не Сергея это было дело. Но все-таки он, подчиняясь сиюминутному любопытству и убедившись что на него не смотрят, тянет одну из створок на себя и, прислушавшись, нет ли кого внутри, заглядывает.

Скатный пол, который должен был бы вести вниз, в глубины подвала, обрывается фундаментом, ограничивая пространство помещения до пары шагов. Ничего особо интересного в нем нет - просто заблокированное настоящим прошлое. Но Сергей включает фонарик в телефоне и пробегается лучом по стенам. Пробегается и видит - в нижнем углу зияет дыра, в которой что-то застряло.

Наклоняясь к ней и светя телефоном в щель, готовый в любой момент отдернуть руку, едва покажется хоть малейший намек на движение в ней, он сует пальцы в отверстие и вытаскивает нечто деревянное.

Снаружи раздался далекий звук двигателя, и Сергей, не желая объяснять, почему он шарится по застроенным подземельям, вместо того чтобы работать, сует находку под куртку и выходит; открывает дверь пожарного выхода, поднимается по короткой лестнице, открывает коридорную дверь, ведущую в свою секцию и направляется на свое рабочее место: за дверь из оргстекла, одновременно прозрачную и непрозрачную, на которой, в свою очередь, висит коричневая с черным табличка, имеющая непонятное непосвященным название “Отдел печати плат полуаддитивным методом”, мимо двух пока что не нашедших свою участь в эпоксидке рулонов стекловолокна, за вторую дверь, где и находится его компьютер.

И там уже достает найденное.

Это кукла - деревянная игрушка, вероятно когда-то имевшая тряпичные ручки и ножки, но ныне сохранившая лишь голову да что-то вроде шеи и туловища, к которому все крепилось. Полумесяц на ножке: вытянутый то ли чуб, то ли колпак, вытянутый подбородок - нижний край полумесяца. Вырезанный из дерева глаз хитро смотрит на Сергея, губы, угадываемые под носом, кривятся в недоброй улыбке.

-О том, как я вдрызг и брызг отравился кривой окаянной усмешечкой, косоротой натужной ухмылочкой, - цитирует Сергей кукле Летова, разглядывая странную недружелюбную игрушку, - ты была сделана для маленького злобного ребенка? Ну и что мне теперь с тобой делать? Назад отнести?

Но назад отнести не удается, так как Сергей садится работать, а после обеда, дождавшись, пока курящий народ разойдется, Сергей выходит к нужной двери и обнаруживает, что она вновь заперта.

Глава V

Когда солнце опустилось настолько, что дорога сузилась до двух световых конусов фар перед машиной, Сергей выехал на трассу пошире, а через пять минут съехал на площадку для отдыха дальнобойщиков.

Впрочем, площадкой отдыха ее можно было назвать с некоторой натяжкой: асфальтовая пустошь, деревянный туалет и остов сгоревшего здания: то ли столовой, то ли гостиницы. Но зато здесь стояла какая-то фура, прижавшись одним боком к границе асфальта и травы. Фонарей не было.

Сергей осторожно, минуя трещины в асфальте, нашел место для парковки, прекрасно понимая, что его сейчас наверняка разглядывают из фуры. Где-то он читал, что раньше на дорогах орудовали банды, грабившие дальнобойщиков. Сергей попытался продемонстрировать, что он не собирается предпринимать ничего дурного, просто хочет поставить машину так, чтобы какая-нибудь другая фура, если кому-нибудь еще вдруг тоже приспичит отдохнуть здесь, в темноте, не раздавила его автомобиль - сделал большой круг на дистанции. Потом поставил ближе к краю, у самой границы травы и вышел.

Пахло землей. Где-то в поле последний, уже призрачный свет солнца высвечивал белое - наверное, где-то там все еще лежал снег. Звезды, наползавшие на небо вслед за солнцем, раскрашивали небо в невообразимый узор.

Сергей прошелся по территории, разминая ноги. Стояла приятная прохлада, постзимняя свежесть, рождавшая ощущение чего-то нового, как в детстве, когда весной снимаешь шапку, ловишь холодный, но уже терпимой температуры воздух лбом и чувствуешь - лето будет. Сергею всегда больше нравилось ощущение пришествия лета, а не само лето. Лето было не столь привлекательным, оно лишь фиксировало наступившее, добавляя к нему жару, пыль и насекомых, а также ощущение, что оно неизбежно закончится. Весна - дело другое, это время надежд и ожиданий.

Несколько раз вздохнув полной грудью, Сергей вернулся в машину, отодвинул и опустил сиденье так, чтобы можно было лежать, глядя в небо сквозь стекло. Одеяла не было, но он укрылся курткой.

В последнюю совместную поездку с девушкой они вот также лежали в машине, глядели на звезды и разговаривали.

Он включил музыку - эмбиент, подходящий и под настроение, и под ситуацию, и под мысли о прошлом.

Все когда-нибудь заканчивается и становится прошлым. Даже звезды, на которые сейчас я смотрю, - думал Сергей, - на самом деле лишь прошлое, воспоминание о том, какими они были много тысяч лет назад. Это просто информация, долетевшая до Земли с огромным опозданием, - и тут же поправил себя, - не звезды, а галактики. Впрочем, ситуации это не меняло, находятся теперь эти галактики в другом месте, чем сейчас кажется с Земли. То, что видно на небе - лишь воспоминания о них прошлых.

В детстве Сергей любил смотреть на звезды, представляя, как однажды сам будет где-то там среди них. Любил читать различный научпоп о космосе, читал фантастику и верил, что фантастика скоро станет реальностью. Раньше ведь и пересечь океан казалось невозможным, а сейчас - несколько часов, и ты в Америке. Наверняка, - думал он тогда, - лет через пять ученые придумают какой-нибудь двигатель, который будет доставлять людей к другим звездам за считанные недели, останется только подрасти, чтобы шагнуть в это будущее.

С тех пор прошло два десятка лет, все разговоры о космосе начинаются и заканчиваются деньгами и рассуждениями о том, насколько это не выгодно. Человечество так и осталось на

Земле, а он, как и двадцать лет назад, остался маленьким человечком, одним из многих, глядящим в огромнейший космос.

Родители Сергея в период его раннего детства были убежденными атеистами и технофилами; оба верили, что все виды рака будут побеждены в ближайшее время, что до конца их жизней ученые изобретут лекарство от смерти, что не будет ни голода, ни войн, и вообще скоро везде станет идеально.

Сергею было семь лет, когда развалился Советский Союз. Сразу после этого события неожиданно выяснилось, что можно было верить не только в светлое будущее, но и во многое другое: в ауры, в заряженную воду, в экстрасенсов. Как грибы после дождя, в стране повырастали секты, твердившие о грядущем конце света, а уж количество концов света, что должны были произойти в девяностые годы, было неисчислимым, но описывалось по государственному телевидению и неплохо ложилось на общее состояние страны, которая больше не могла жить по-старому, но также совершенно не умела по-новому. Православие подняло голову, оказавшись куда более твердой опорой, чем погибшая вера в технократию и, тем более, духовный хаос вокруг и воспользовалось моментом с таким размахом, что сегодня называться атеистом стало неприлично. Оно и понятно: ленинский коммунизм оказался затянувшимся враньем, вездесущие памятники вождя по всей стране каждый день напоминали об этом, а вера в технологический прогресс рухнула с первыми предпринимателями, таскавшими из-за границы разный ширпотреб, и с жаждой легких денег. Во что еще верить?

Мама Сергея в итоге пришла к некоторой компромиссной форме веры в Бога, несколько разбавленной кармой и идеей перерождения. Отец вернулся к коммунистическим идеалам, уверовав, что раз лучшего периода в своей жизни кроме прошедшего развитого социализма он не видел, стало быть, тот период и есть объективно лучший. А Сергею уже в конце двадцатого века, когда он чуть разобрался в творящемся хаосе, по-прежнему больше хотелось верить в прогресс, чем в искусственную модель общества, Бога или заряженную воду.

Теперь он верил еще и в силу воспоминаний, оказывающую воздействие на людей. Огромный космос был и остался недостижим, но внутренний космос полностью открыт для исследований. И лежа в ту ночь в машине, глядя в ночное небо, которое никак не мог назвать черным из-за десятков тысяч рассыпанных по нему звезд и галактик, Сергей думал что небо - хорошая иллюстрация его самого, где каждая звезда - это воспоминание, хорошее или плохое. Где-то внутри него воспоминания объединяются в кластеры, рукава галактик, сами галактики, превращаясь во все более и более сложные конструкции, превращаясь в некую грандиозную картину, под названием “личность”.

Глава 24

-Такого рода дилеммы, как с той куклой или поцарапанной машиной приводят меня в дурацкое состояние. С одной стороны, нельзя сказать, будто я испытываю серьезные угрызения совести за содеянное, но, с другой стороны, это то, что выходит за привычный круг вещей. Я поступаю непорядочно, и это может привести к проблемам. К тому же, возникает некоторая неопределенность, которая изматывает еще сильнее. Уникальное состояние.

-Вы очень много себя жалеете, - отвечает тень Лидии Ивановны, - из ваших слов можно сделать вывод о том, будто вы считаете себя уникальным, поступившим так, как не поступил бы никто. Человеком, вышедшим за привычный круг вещей. Но это ведь неправда. Может быть, люди в целом и порядочны, но и вы, в целом, человек порядочный. Мелкие правонарушения свойственны каждому. Я бы даже сказала, что подобно вам поступил бы как минимум каждый десятый. А это довольно много. Не согласны? Будете оспаривать?

Сергей конечно хочет поспорить, но с ходу не находит аргументов и несколько минут сидит, обдумывая ее слова, пока Лидия Ивановна терпеливо ждет.

-Честно говоря, мысль о том, что я - самый обыкновенный нравится мне еще меньше той, что я несчастный, но уникально обиженный жизнью, - вот то, что он говорит в итоге.

Легкий звук из темного угла комнаты похож на смешок.

-”Обыкновенный” - не означает “не особенный”. Расскажите о вашем творчестве. О чем вы обычно пишете?

-Обычно я как мозаику собираю кусочки из своей жизни и склеиваю их в один сюжет, получая что-то новое, уже не связанное со мной. Хотелось бы, чтобы итог был похож на Маркеса или Мураками, но я не уверен, что это так. А вы читали их книги?

-Кое-что. Почему вы решили стать писателем?

-Не знаю… А почему вообще что-то происходит? Мне всегда нравилась сама возможность превращать слова в историю, в картинку, которая возникает перед мысленным взором при чтении. Несколько лет назад я решил, что наконец пора воплотить это в творчестве. С тех пор и пишу.

-И сейчас что-нибудь пишете?

Сергей рассказывает о Василии и Петре - двух противоположностях.

-Петр выглядит унылым интеллигентом, но он честен и справедлив, Василий выглядит щегольски и тоже честен и справедлив. А разница между ними по большей части в том, что Петр желает всем добра, а Василий желает, чтобы каждый получил то, чего он хочет, при этом умалчивая о цене за сиюминутные желания.

-То есть, ваше произведение некоторым образом расставляет точки над добром и злом?

-Я бы сказал, что книга о более конкретном и незаметном добре и зле. Например, существует какой-нибудь завод, выбрасывающий в атмосферу вредные вещества, и есть экологи, которые выпускают резолюцию о вреде этого завода. Вроде и добро, но в то же время это просто слова на бумаге, где между ними и их воплощением лежит бездна времени и сил, а результат этой резолюции может оказаться куда более худшим вариантом причины его появления: тысячи человек потеряют работу, вместо одного большого и вредного завода откроется пять небольших, но суммарно более вредных. Это такое не конкретное добро, которое приводит ко злу. А скажем, отговорить человека от самоубийства - добро конкретное, и польза от него тоже конкретная. Но суть в том, что от резолюции слава больше, пусть и при сомнительном результате, а тому, кто отговорил от самоубийства никакой славы не достается вовсе, но нужна много большая вера в свои убеждения, чтобы помогать…

Сергей говорит и говорит до тех пор, пока не понимает, что уходит в какие-то свои дебри, которые с трудом укладываются не только в контекст книги, но и в контекст сегодняшней

беседы. Говорит и не понимает почему. А когда, наконец, замолкает, то воцаряется тишина. Лидия Ивановна тоже некоторое время молчит.

-Мне кажется, вы понимаете разницу между обыкновенным и не особенным. Ваш персонаж Петр - он такой, - говорит она наконец, - обыкновенный для всех, но особенный. Как и вы, поверьте. Ваше поведение и ваши ощущения в сущности самые обыкновенные, свойственные очень многим людям, и заблуждаться на этот счет - плохая идея, ведущая к проблемам с душевным равновесием. Но в то же время, вы - особенный, и ваша особенность - создавать истории, образы, мысленные картины. Пишут далеко не все.

-Довольно много людей пишет, - невесело смеется Сергей, - мне кажется, что особенность среди писателей - это известность, которой мне не хватает. Но в целом я кажется понял вашу мысль, просто требуется некоторое время, чтобы ее принять.

-Ну хорошо, - кивает Лидия Ивановна, - давайте тогда вернемся к визуализации комнаты с воспоминаниями. Если помните, в прошлый раз мы остановились на музыке, решив, что комната - это мансарда дома, в которой лежат ваши вещи-воспоминания.

-Да. Я пришел к выводу, что музыка должна быть очень спокойной, чтобы не разрушать атмосферу. Все-таки к своим воспоминаниям я отношусь довольно трепетно, а раз так, то и условия для их изучения должны быть соответствующими.

-Хорошо, - говорит собеседница.

-Это будет эмбиент. В первую очередь, немецкой школы, но не принципиально: Arno, Arcanum, Ascendant, Three-Six, хотя последний из Англии…

Лидия Ивановна что-то чиркнула в блокноте.

-Вы слушали что-нибудь подобное?

-Нет, но послушаю. Чем эта музыка является для вас особенной?

-Эмбиент не такой уж и особенный сам по себе. Все дело в атмосфере. Если эмбиент хороший, конечно. Просто, мне кажется, что он неплохо ложится на воспоминания. Моя девушка, кстати, пишет музыку в этом жанре в свободное время. Но ее музыки в той комнате нет.

-Почему?

-Потому что тогда она сама станет воспоминанием, а я этого не хочу.

-В вашей комнате воспоминаний хранится случай, когда вы познакомились с этим жанром?

-Думаю да, но он является частью музыки. Это было довольно давно, лет, наверное, пятнадцать назад. Я часто заходил на форум фанатов Энигмы, где в одной из веток админ раз в неделю оставлял ссылки на обменники с интересной музыкой. Тогда еще не было ни торрентов, ни стриминговых сервисов. Вы знаете что это…

-Наслышана.

-Однажды он выложил ссылку на альбом Arno - Aquaphonia, 2002 года выпуска. Стоял солнечный день, не помню только какого времени года. Я скачал его, включил и… знаете, эти ощущения, как будто в воде плывешь. Первые пятнадцать минут думал, что это очень странно - ни ритма, ни слов, ни явно выраженной мелодии, а потом вдруг понял, что давно уже не получал такого удовольствия от прослушивания музыки. После любого хорошего произведения, неважно музыкального или литературного, бывает этакое послевкусие, легкая тоска по тому, что оно закончилось, которая и заставляет раз за разом к нему возвращаться - перечитывать или переслушивать. В тот раз оно было очень сильным.

-Я правильно понимаю, из ваших слов логичным образом следует то, что там вы храните и хорошие, и плохие воспоминания одновременно?

-Конечно, - говорит Сергей, - думаю, что плохие воспоминания на деле должны какое-то время вылежаться, чтобы перестать быть плохими. Тогда и отношение к ним изменится.

-Хорошо, что вы любите перебирать воспоминания, - кивок из темноты, - мы с этим поработаем в следующий раз. А пока что я предлагаю следующее: вспомните какой-нибудь свой детский страх и попробуйте придумать, как он визуализируется в той комнате. Я так понимаю, ваша комната - место довольно спокойное, предназначенное для медитативного созерцания. Правильно?

Сергей тоже кивает.

-Значит, этот страх уже не является страхом. Просто расскажите на что он похож. Справитесь к нашей следующей встрече?

-Думаю, да.

-Касательно найденной куклы: если не знаете что с ней делать - отдайте какому-нибудь антиквару или продайте. У меня есть знакомый антиквар. Если хотите - дам его адрес.

Сергей не уверен, что голова от игрушки может стоить хотя бы времени, потраченного на поход к антиквару, но вежливости ради говорит:

-Может и отнесу.

-Антиквар может рассказать о ней больше. По мне, это важнее небольшой суммы за ее продажу. Вы ведь влезли в ту каморку из любопытства, а это, я бы сказала, возможность продолжить ему следовать.

-Буду признателен, - говорит Сергей, но только потому, что отказываться не очень вежливо. Смотрит на часы, - я так понимаю, на сегодня встреча закончилась?

-Да. До встречи.

-До встречи.

В фойе сквозь жалюзи светит предвечернее солнце - редкий гость в городе в это время года.

-Ничего себе, - говорит Сергей девушке-администратору, - наконец-то хорошая погода!

Администратор отпускает хмурый взгляд в его сторону. Рот сжат, будто она не желает выпускать из себя никаких слов.

-Все в порядке? Вам не нравится хорошая погода?

-Мне. Все равно, - отвечает она, буравя Сергея взглядом, и он чувствует, что надо как-то отшутиться и говорит очередную глупость, показывая на стену:

-А вот эта девочка на фотографии очень похожа на вас. Тоже ничему не радуется.

Взгляд администратора меняется до такого тяжелого, что если бы мог убивать, то от Сергея не осталось бы и мокрого места.

-Извините, - тут же поправляется он, - я надеюсь не обидел вас? Не хотел.

Пару невыносимо долгих секунд девушка разглядывает его, пока наконец не говорит:

-Не обидели. Распишитесь здесь.

Почему я к ней придрался? - думает Сергей, когда выходит и смотрит на бледное светило, выглядывающее между многоэтажек, - что с ней не так?

Но пока не может ответить на этот вопрос.

Глава VI

Он проснулся когда солнце, вконец обнаглев, начало светить прямо в глаза. Воздух в машине нагрелся, казался влажным и душным, но открыв дверь Сергей обнаружил, что вне машины окружающий мир довольно зябкий.

Спать уже не хотелось, но и стряхивать состояние блаженной утренней неги тоже не было причин. Дел у Сергея не было, он мог себе позволить немного благодатной недоступной многим лени: кто еще мог похвастать в современном мире тем, что ему ничего не нужно делать? Даже в выходные, ибо на эти дни обычно откладываются все те дела, которые не успеваешь в перенасыщенные будни.

А у Сергея теперь было полно времени.

Май.

Вспомнилось какое-то стихотворение, то ли авторства Лемерт, то ли кого-то еще, в котором Бог ничего хорошего не придумал для Каина, и что это не любовь на самом деле, а май. Впрочем, нет, не вспомнилось - Сергей хотел бы его себе продекламировать, но позабыл слова. Осталось только ощущение от него - сонное, весеннее и потеряно-грустное.

Сегодня же вроде первое мая - праздничный день, восхваляющий труд. Вроде бы. Сергей вдруг понял, что немного потерялся во времени. Впрочем, даже если сегодня последний день апреля, а восхвалять труд положено завтра, то прямо сейчас это было неважно. Да и в целом, для Сергея праздник труда всегда был радостен только тем, что являлся выходным днем и являлся отличной иллюстрацией отношения людей к труду в целом: в труде нет ничего плохого, но большей частью люди пытаются его избегать. Возможно потому, что для большинства слова “труд” и “удовольствие” далеко не тождественны. Для Сергея, с его работой, уж точно.

С бывшей работой.

На другой стороне площадки громко хлопнули дверями и послышались мужские голоса. Два человека - один в спортивной куртке на толстое тело, другой - в клетчатой рубашке потягивались и разминались перед фурой с нарисованным на ее боку соком известной марки.

Сергей дотянулся до сумки на заднем сиденье, извлек зубную щетку и пасту, вылез из машины и направился к ним.

Воздух у ног был ледяным, но выше, там, куда утреннее солнце уже успело дотянуться - свежим и комфортным. На заброшенном заросшем поле далеко-далеко стелилась бледная дымка тумана, уже почти растворившегося до следующей ночи.

Водители настороженно смотрели на Сергея, пока он шел к ним, но разглядев зубную щетку заулыбались. Тот, что был в рубашке оказался обладателем окладистой бороды, толстый “спортсмен” был небрит несколько дней.

-Простите, не найдется чистой воды, чтобы почистить зубы?

-Ага, сейчас, - бородатый полез в кабину.

-Что, не успел доехать? - спортсмен кивнул в сторону машины Сергея.

-Я особо и не тороплюсь.

-Путешествуешь?

-Ну да. Без особой цели еду на север.

Толстяк хмыкнул.

-Мда… обычно путешествуют где-нибудь по Италии, Грузии… а тут что?

-Что ты к человеку пристал? В Грузии и Италии путешествовать на машине противопоказано. Там такое вино, что лучше пьянствовать, - бородатый спрыгнул с бутылкой воды, термосом и пакетиком с бутербродами, - давай позавтракаем, а потом почистишь зубы, - и развернув пакетик протянул один Сергею, - держи.

-Спасибо, - бутерброд оказался из бородинского хлеба с колбасным сыром.

-Правильно делаешь, что едешь на север. На севере люди добрее. Я сам с севера и остался бы там, если бы не женился.

-Угу… - промычал спортсмен с набитым ртом, - темень и холод. Красота!

-Это зимой темень. А сейчас начинается полярный день, и все будет цвести. Бери еще бутерброд.

-Мне отблагодарить вас нечем, - но спортсмен только рукой махнул.

-Спасибо, - еще раз сказал Сергей, - а вы куда едете?

Водители назвали какой-то город, названия которого Сергей ни разу в жизни не слышал.

-Это к северо-востоку отсюда, у озера, - пояснил спортсмен, будто так становилось понятнее. Я там живу. Отличный город, современный и спокойный. Рекомендую.

-Ага, - фыркнул бородатый, - очень современный. Там Ленин стоит напротив церкви, представляешь? Современно!

-Ну так это же история, куда ее девать?

По словам толстяка, раньше, до Северной войны, в том маленьком городе было поселение, принадлежавшее шведам, которые добывали лес и после сплавляли его по озеру. Город был местным центром. А до того на месте города было поселение древних карелов.

-В том месте все просто дышит историей.

-У вас и музеи там есть? - спросил Сергей, - карелов этих?

-Нет. У нас есть остатки шведской крепости. Про карелов почти никто ничего не знает. Ну, про древних, еще не ассимилированных. Но у меня вполне могут быть корни карелов.

У толстяка был обычный вид: голубые глаза, волосы ежиком, широкое лицо, на котором терялись скулы, второй подбородок… носит он в себе гены карелов или нет - сказать трудно.

-Ты ему сильно не верь, - бородатый хлебнул холодного чая, налитого в крышку термоса, - он такой же древний карел, как я - хант.

-Это же не я придумал, а ученые. Они откопали следы карелов. А корни, ну так мои родственники там несколько поколений точно живут. Наверняка с кем-то да ассимилировались.

-Здорово вот так встретиться на дороге с двумя дальнобойщиками - хантом и древним карелом, - признался Сергей, - и поесть с ними бутербродов.

Дальнобойщики посмеялись.

-Ты сам-то каких кровей будешь? - уточнил толстяк, а когда узнал, что Сергей по своим родственникам в некотором роде мультинациональный, покачал головой, - ну не знаю. Мне кажется, у каждого человека должна быть какая-то… земля, что ли. Говорят, дальше на севере можно встретить эти… мегалиты, которые строили мои предки. Я их сам не видел, но знание о том, что они есть наполняет меня чувством родного. Культурный код, понимаешь? Конечно, он не делает тебя лучше или хуже, просто выделяет среди прочих. Мне кажется, что без этого жить очень тяжело.

-Мир-то идет к глобализации, - заметил бородач, - а ты рассказываешь о какой-то идентичности.

-Идет, и это плохо! - отрезал спортсмен, - глобализация - это антикультура. Возьми, вон, современную музыку. Она одинаковая на всех континентах: танцующие блондинки, сладкие мальчики, песенки про любовь, - типичный пример глобальной культуры - ярко, но стереотипно, противно любому человеку с мозгами. Ты, вот, какую музыку любишь?

Сергей признался, что любит эмбиент.

-Это что за хрень?

Пришлось дать краткое пояснение: музыка без музыки, представление о которой возникло еще в начале двадцатого века, но оформилось только в семидесятых Брайаном Ино, когда это стало технически возможным.

-Хотите, я вам что-нибудь включу? - оба водителя кивнули, и Сергей вернулся к машине, подкатил ее ближе и включил последний альбом Solar Fields, вроде и обычный для жанра, но дающий представление об эмбиенте.

Некоторое время все молчали, слушая как электрическая музыка льется из открытого окна на природу, смешивается с восходящим солнцем и холодом.

-Похоже на фоновую музыку к какому-нибудь кино, - сделал вывод толстяк.

-Да, что-то есть, - подтвердил Сергей, - в фильмах музыка подчеркивает сцены, а здесь подчеркивает само окружение.

Бородач почесал в затылке:

-Ну… так-то интересно, но непривычно. Нет, это однозначно лучше попсы. Но… как-то… вывернуто наизнанку, что ли.

Бутерброды закончились, он собрал мусор в отдельный пакет, завязал его и полез в кабину, а когда скрылся внутри толстяк наклонился к Сергею и по-заговорщицки тихо сказал:

-Так-то у меня есть диссертация по социологии. Не подумай, что я тупой дальнобой. Просто на фуре мне нравится больше, чем сидеть в кабинете и считать статистику. Да и зарабатываешь больше.

-А я - инженер, по конструированию микросхем, - ответил Сергей, - но это только на слух кажется крутым и интересным.

-Ага, - кивнул социолог, - Толик?! Ну что там?

-Три минуты и едем!

-Мы тут ехали и слушали Брукнера, - сообщил толстяк, пока Сергей, вспомнив о том, что так и не почистил зубы, открывал наконец воду.

-А это кто?

-Брукнер? Антон Брукнер - композитор эпохи позднего германского романтизма, второй половины девятнадцатого века. У него медленные, длинные и торжественные симфонии. Послушай, например, седьмую, она впечатляет своей… хрен знает как сказать… монолитностью, что ли. Похоже на твой эмбиент. Послушай.

Сергей только кивнул, почувствовав себя ребенком, пытавшимся поразить взрослых информацией, которую рассказали в школе. Он - про эмбиент, а они, оказывается, академическую музыку слушают....

-Послушай еще Майка Олдфилда. Только из семидесятых что-нибудь, потом у него музыка стала слишком уж коммерческой. Там такое… будто из рок-музыки решили сделать симфоническую.

Глухо взревев, ожила и завелась фура, грозно сверкнула фарами. Массивный монстр, король дороги, который едет не торопясь, но очень весомо, в отличие от мельтешащих суетливых легковушек.

-Спасибо, - сказал Сергей, возвращая бутылку, - вы меня прямо спасли.

-Да ладно, это просто вода, - толстяк махнул рукой, - узнай побольше о древних карелах. Точнее о карьялайзет, - он с некоторым значением посмотрел на Сергея и повторил, - карьялайзет - так называют себя карелы.

И пошел к машине, оставив Сергея наедине с этим странным знанием.

Отойдя, Сергей смотрел, как фура тяжело и медленно разворачивается. Махнул рукой, но махнули ли ему в ответ не понял - солнце бликовало на лобовом стекле. Фура величественно, с чувством собственного достоинства направилась к выезду, выкатилась на трассу и принялась медленно набирать скорость. Через полминуты она потерялась за деревьями, через полторы минуты ее звук уже смешался с окружающим пространством, утонул в утре, оставив Сергея в одиночестве.

-Карьялайзет, - повторил Сергей, как заклинание, не зная, что с этим можно сделать. Еще одно воспоминание в комнату.

Вернувшись к машине, он перебрал в магнитоле всю музыку, но ни Майка Олдфилда, ни Антона Брукнера не нашел, что и неудивительно: если о первом он еще что-то слышал, то второй был абсолютно неизвестен. Зато нашел альбом Borealis. На грандиозную музыку канадские металлисты не тянули, но звучали душевно, а Сергей все-таки ехал на север, и название группы показалось ему неплохим знаком.

Глава 23

Для того, чтобы описать дальнейший ход мыслей Сергея, нельзя не упомянуть о его творчестве и отношении к процессу сочинения.

Каждый, кто не очень любит свою работу предпочитает на ней не задерживаться, небезосновательно считая задержки после окончания рабочего дня кражей законного личного времени, которого у человека и без того не очень много. При этом, мало кто задумывается о том, что попить чай, потрещать с коллегами, пошарить по интернету в течение рабочего дня - тоже кража времени, за которое тебе платят.

С другой стороны, мало кто, за исключением, может, людей с особенной психикой, способен сосредоточиться на каком-то одном процессе долго, так что конечная производительность от работы с перерывами выше, чем без таковых. Сергей, во всяком случае, оправдывает свое безделье именно этим.

Впрочем, пока другие в его НИИ сплетничают и пьют чай, Сергей сочиняет. И хотя в слове “сочинять” применительно к писательскому мастерству чувствуется некоторый диссонанс украденному времени, полуподвальной каморке, гудению аппарата для нарезки плат, принудительной вентиляции и запаху горячей эпоксидки, Сергей все-таки сочиняет.

Раньше он писал на рабочем компьютере, пока не выяснилось, что в компании настроена система скриншотинга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.